
ЯН БАРЕШ
БЕЗ СТРАХА ПЕРЕД СОЛНЦЕМ

Ян Бареш

Без страха перед солнцем

«Автор»
2026

Бареш Я.

Без страха перед солнцем / Я. Бареш — «Автор», 2026

Тирен не помнит детства. Не знает, откуда в нём жажда крови и почему солнце не причиняет ему вреда. След из прошлого ведёт его через деревни, где чужаков встречают с опаской, а за помощь требуют больше, чем деньги. Но чем ближе ответы, тем страшнее мысль: что, если забвение было единственным спасением?

© Бареш Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 35
Глава 7 43
Глава 8 51
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Ян Бареш
Без страха перед солнцем

Глава 1

Бычок не шёл из-за доски.

Поперёк прохода лежал светлый обрезок, намокший с одного края. Его бросили ещё вчера, когда чинили загородку. Бычок вытянул шею, обнюхал дерево и попятился, упираясь копытами в грязь. Верёвка натянулась. Тирен ослабил её, но стоявший сзади работник уже поднял палку.

— Погоди.

Палка опустилась на круп. Бычок дёрнулся, мотнул головой, и петля скользнула к самому горлу.

— Я сказал, погоди.

— А я сказал, тащи. Ты его до вечера уговаривать будешь?

Тирен шагнул под загородку и отшвырнул доску ногой. Под ней белели тонкие корни, вдавленные в землю. Он потянул верёвку в сторону, дал бычку повернуть голову. Тот шумно выдохнул и двинулся вслед за ним.

— Вот ведь, — сказал работник. — Палку понимает.

Тирен ничего не ответил. Теперь, когда животное пошло, спорить было поздно. Он провёл его между жердями, закрыл низкую калитку и остался внутри, придерживая за короткую шерсть под челюстью. Там было тепло. На влажном носу застряла соломинка, и бычок всё пытался слизнуть её, не доставая языком.

За перегородкой стукнул нож. Кто-то вылил воду на каменный пол. До Тирена долетел запах свежей крови, и во рту сразу стало тесно от слюны.

Он убрал руку.

— Верёвку оставь, — крикнули из-за жердей.

Тирен снял петлю с запястья и положил конец на столбик.

На дворе только начинало светать. Ночью прошёл дождь; с края крыши ещё капало в корыто, но над дальними сараями уже открылась узкая полоска бледного неба. Тирен поднял ворот куртки. Подкладка вылезла возле шеи и щекотала кожу. Он заправил её пальцем, испачкал грязью и пошёл за вёдрами.

Бренк стоял у ворот с женщиной, привёзшей двух овец. На плече у него висел чистый передник. Рабочий, залоснившийся и жёсткий по краям, был повязан ниже живота. Бренк любил выходить к продавцам с чистым передником на плече, будто его оторвали от совсем другого дела.

— За эту столько не дам, — говорил он, щупая овечью спину. — Шерсть одна.

— Ты под шерстью щупай.

— Я где надо щупаю.

Женщина посмотрела на Тирена, словно искала свидетеля. Он опустил глаза и прошёл мимо с вёдрами. После этого женщина стала торговаться громче.

Вода в бочке была холодной до ломоты. Тирен зачерпнул её, поставил вёдра на землю, разогнул пальцы. На правой ладони ещё виднелась тонкая светлая черта. Вчера сорвавшийся крюк прошёл глубоко, до мяса. Сегодня след можно было принять за старую царапину.

Он вытер ладонь о штанину и снова намотал тряпку. Узел пришлось затягивать зубами.

— Рука-то как?

У дверей стоял тот самый работник с палкой. Звали его Дерн. На левом сапоге у него лопнул шов, и по утрам, пока кожа не размокала, сапог негромко присвистывал.

— Лучше.

— Покажи.

Тирен поднял ведро.

— Уже замотал.

Дерн посмотрел на него, потом на повязку.

— Крюки чистить надо. Нагноится — сам виноват будешь.

Он ушёл, оставляя на мокрой земле разные следы: один широкий, другой с оттопыренным краем. Тирен дождался, пока свист сапога стихнет за дверью, и только тогда понёс воду.

К полудню у него промокли рукава. Он выскоблил два стола, вынес внутренности, промыл желоб, по которому кровь стекала в яму за стеной. Дерн велел убрать из загона доску, ту самую, которую Тирен уже отшвырнул к ограде. Оказалось, теперь она мешала открывать ворота. Тирен унёс её в дровяной сарай.

Там, между поленницей и стеной, лежали его одеяло и мешок с вещами. На ночь он вытаскивал их на свободное место, утром убирал, чтобы не мешать проходу. Под крышей пахло сухой корой. После бойни этот запах казался почти сладким.

Он присел на корточки и потянулся под нижний ряд поленьев.

Монеты были на месте. Тирен не стал разворачивать тряпицу, только ощупал её и сдвинул глубже. Рядом лежал кусок подошвенной кожи. Сапожник за воротами обещал подбить ему обувь, если он принесёт ещё столько же денег, сколько уже скопил. До холодов оставалось время. Если Бренк не вычтет ничего лишнего, должно было хватить.

— Ты там уснул?

Он поднялся слишком быстро и задел затылком балку.

Во дворе Бренк держал его ведро.

— Это что?

— Ведро.

— Вижу, что не шапка. Почему дужка вылезла?

Проволока на одном конце разогнулась. Тирен заметил это ещё утром и нёс ведро за край.

— Я поправлю.

— Ты сначала ломаешь, потом поправляешь. Мне от этого какой прибыток?

— Она вчера уже шаталась.

Бренк поставил ведро так, что вода плеснула Тирену на ноги.

— Значит, вчера и сломал.

Тирен сжал губы. Он мог объяснить, что дужка отходила ещё до того, как ему дали ведро. Мог даже назвать того, кто последним таскал в нём камни. Но Бренк уже повернулся к Дерну, и объяснять пришлось бы его спине.

— Починишь. Потом за воротами убери. Телега навоз размесила.

— Мне за ту неделю…

— Что?

Бренк остановился.

— За прошлую неделю осталось, — сказал Тирен. — Ты говорил, сегодня.

— А за куртку осталось? За овёс, который ты рассыпал? Ты своё хорошо помнишь.

Куртку Бренк дал ему в конце лета, когда старая разошлась под мышками. Тогда сказал, что всё равно хотел пустить её на тряпки. О плате они не говорили.

Тирен посмотрел на торчащую подкладку и убрал её под ворот.

— Я сколько за неё должен?

— Работай пока. Посчитаем.

Бренк ушёл. Дерн остался у двери, ковыряя щепкой в зубах.

— Самое время выбрал. Пока он с бабой ругался, надо было просить. Он бы тебе заплатил, лишь бы она увидела, какой щедрый.

Тирен взял ведро.

— В другой раз подождём бабу.

Дерн хмыкнул.

— Гляди-ка, выучился.

К обеду тучи разошлись. Свет лёг на мокрые жерди, на ножи возле точильного камня, на окровавленную воду в колее. Над бойней поднялись мухи — немного, но назойливые, ещё не прибитые осенним холодом.

Работники ели у задней стены, где меньше дуло. Тирен получил миску ячневой каши и обрезок мяса, такой жилистый, что его пришлось нарезать совсем мелко. Он ел быстро. Обычный голод прошёл, но за ним оставался другой: сухая слабость под рёбрами, не уходившая ни от хлеба, ни от горячего.

Когда Дерн понёс миски к бочке, Тирен забрал пустую кружку из-под воды и вернулся в разделочную.

В жестяном тазу под столом ещё оставалась кровь. Сверху уже схватилась тёмная плёнка. Тирен прислушался. Во дворе Бренк пересчитывал овечьи шкуры. Дерн скрёб миску ложкой. За дальней стеной капало из неплотно закрытой бочки.

Он наклонил таз и подставил кружку.

На доске рядом лежала отрезанная бычья голова. Соломинка прилипла к шерсти возле ноздри.

Тирен отвернулся, поднял кружку обеими руками и выпил. Кровь была уже прохладной. Во рту остался металлический привкус, на верхней губе — густой след. Он вытер его рукавом, потом поспешно осмотрел ткань: тёмное пятно затерялось среди остальных.

Постепенно разжалась пустота под рёбрами. Звуки стали ровнее. До этого они будто задевали его изнутри: скрежет ложки, стук каблука, дыхание человека за дверью. Теперь он мог просто слышать их.

Тирен опустил кружку в ведро, долго тёр пальцем ободок.

Дверь скрипнула.

Он успел поставить кружку, но не отойти от таза.

Бренк остановился на пороге. Посмотрел на него, на кровь, снова на него.

Тирен выпрямился. Когда хозяин впервые застал его за этим, он был меньше ростом и стоял почти так же, прижав руки к бокам. Тогда Бренк велел не пачкать общую посуду. После несколько раз рассказывал эту историю покупателям, которым хотелось посмеяться.

— Остальное вылей, — сказал он сейчас. — И таз отмой, к вечеру понадобится.

Тирен кивнул.

Бренк прошёл к полке, взял ремень для правки ножа.

— И кружку отмой. Не языком.

За дверью фыркнул Дерн. Тирен не слышал, как тот подошёл; он слишком внимательно следил за Бренком.

Он поднял таз. Кровь тяжело перекатилась от одного края к другому. Пришлось держать крепче, чтобы не расплескать.

За стеной стоял низкий деревянный короб над сточной ямой. Тирен откинул крышку и вылил остатки в узкую щель. Внизу прошуршало.

Он замер, держа таз на весу.

Под решёткой что-то скреблось. Сначала в одном месте, потом сразу в нескольких. Между прутьями показался бледный отросток толщиной с червя. На конце он раздвоился и ощупал мокрое железо.

Тирен ударил по решётке дном таза. Отросток исчез.

Обычно они поднимались ночью. Днём приходили после дождя, если яма переполнялась. Тирен проверил крюк, придерживавший решётку. Тот сидел крепко, но доска вокруг потемнела и размякла. Он нажал большим пальцем; древесина подалась.

Надо было сказать Бренку. Лучше после расчёта — иначе тот вычтет ещё и за доску.

Тирен опустил крышку и придавил её камнем.

Когда он вернулся во двор, за воротами скрипела повозка.

Кобыла тянула её медленно, ставя переднюю ногу осторожнее остальных. При каждом шаге хомут съезжал в сторону. Мужчина у её головы дёргал повод короткими нетерпеливыми движениями, от которых она вскидывала морду, но не ускорялась.

— Стань с другой стороны, — крикнул Бренк Тирену. — А то он сейчас столб снесёт.

Тирен оставил таз у стены и взялся за край оглобли. Повозка была пустая, с высокими бортами из потемневших досок. Заднее колесо покачивалось на оси. Возле передка к дереву пристал ком речной травы, высохший сверху, ещё зелёный внутри.

Кобыла остановилась сразу за воротами.

— Давай, — сказал мужчина и потянул её.

Она упёрлась.

— Здесь оставь, — велел Бренк. — Распряжём.

— Да она пойдёт.

— Мне полдвора твоей телегой перегородить надо? Здесь оставь.

Мужчина отпустил повод, будто кобыла с самого начала принадлежала бойне. Он был широк в плечах, но верхняя одежда висела на нём плохо: рукава коротки, пуговица у живота держалась на нескольких нитках. Из-за пазухи торчал свёрнутый мешок.

Бренк обошёл кобылу, провёл ладонью по боку. Под шерстью отчётливо выступали рёбра. На крупе грязь засохла плоскими чешуйками. Хвост был спутан репьями.

— Старая.

— Рабочая.

— А ты её ко мне работать привёл?

Мужчина потёр нос.

— Говорю, ходила ещё. Недавно.

Бренк поднял ей губу, посмотрел зубы. Кобыла отдёрнула голову, и он шлёпнул её по шее.

— Держи, — сказал он Тирену.

Тирен взял повод ближе к кольцу. Кобыла скосила глаз, показывая белок, но не попыталась укусить. На её шее под ремнём темнела влажная полоса. От кожи пахло кислым потом и старой шерстью.

— Сколько в дороге была? — спросил Тирен.

Мужчина не ответил. Он смотрел на Бренка.

— Я тебе назвал, — сказал хозяин бойни. — Больше не дам.

— А повозка?

— Я лошадь беру. Повозку кому хочешь продавай.

Тирен наклонился к пряжке. Ремень разбух и не шёл обратно. Он просунул под него палец, отводя от кожи, и почувствовал запёкшуюся корку.

Кобыла переступила.

— Тихо.

Он не потянул сильнее. Достал нож, поддел краем тупого обуха язычок пряжки, освободил ремень. Под ним открылась широкая потёртость. В середине кожа была содрана, к ране присохли тёмные волоски.

Тирен сжал челюсти.

— С этим она и шла?

Мужчина наконец взглянул на него.

— Ты распрягай. Я сам торговлю веду.

Бренк уже доставал деньги. Прежде чем отдать, пересчитал на широкой ладони и убрал одну монету обратно.

— За то, что телега у меня стоять будет.

— До завтра всего.

— Вот за завтра и беру.

Тирен опустил освобождённую оглоблю на землю. Когда снимал хомут, кобыла подняла голову и едва не прижала ему пальцы. Он подождал, пока она опустит шею, развернул хомут и стянул через уши.

Под тяжёлой гривой шерсть слиплась. На лбу, там, где её не закрывали пряди, была узкая светлая отметина. Кобыла потянулась к его рукаву, обнюхала, фыркнула. Он сунул руку в карман, хотя знал, что там ничего нет, кроме верёвки и щепок.

— Сейчас воды принесу.

Дерн, проходивший мимо со шкурой на плече, сказал:

— Смотри, она за хорошее обращение платить не станет.

Тирен не ответил. Повёл кобылу к пустому загону у сарая. Она прихрамывала, но охотно шла за ним, пока не почуяла запах из открытой разделочной. Тогда остановилась и подняла голову.

Он встал так, чтобы заслонить дверной проём.

— Сюда. Тут сухо.

В загоне осталась охапка сена, втоптанного в углу. Тирен собрал верхние стебли, стряхнул землю. Кобыла взяла их губами прямо из его рук. Несколько острых травинок зацепились за повязку.

Он принёс воду. Она пила долго, с перерывами, каждый раз поднимая морду и оглядывая двор. Из нижней губы тянулись прозрачные нити. Одно ухо всё время было обращено к месту, где стояла повозка.

— Не трать ведро на одну лошадь, — позвал Бренк. — Оглобли убери. И сбрую занеси, пока не утащили.

Тирен поставил воду у ограды и вернулся.

Продавец всё ещё стоял возле Бренка. Теперь они говорили о колесе. Мужчина доказывал, что ось целая, достаточно сменить втулку. Бренк слушал с таким видом, будто повозку собирались подарить ему против воли.

Тирен собрал ремни. Один зацепился за деревянный выступ под передком. Пришлось присесть и потянуться снизу.

На внутренней стороне оглобли, возле поперечины, был вырезан знак.

Три короткие бороздки под длинной поперечной. Крайняя уходила вниз и загибалась к средней. В углублениях набилась чёрная грязь; возле изгиба древесина была светлее, словно её часто трогали.

Тирен провёл большим пальцем по поперечной черте.

Под ногтем скрипнул песок.

Он знал, что внизу есть зазубрина. Не видел её отсюда — знал. Палец спустился по крайней бороздке и зацепился ровно там, где ожидал.

Повозка качнулась.

На миг у него под ладонью оказалось сухое, тёплое от солнца дерево. Рука была маленькой, грязной по костяшкам. Он сидел, прижав колени к груди, и обводил знак указательным пальцем. При каждом толчке задевал локтем человека рядом. От рукава пахло дымом и чем-то горьким. Это был знакомый запах. Можно было не поднимать головы, чтобы убедиться: человек ещё здесь.

Тирен попытался посмотреть на него.

— Ты там застрял?

Он выпрямился и ударился плечом о поперечину.

Ремни выпали из рук.

Бренк стоял в двух шагах. Позади него мужчина тянул на себя ворот короткой куртки.

— Сказал же, сбрую убери.

Тирен посмотрел на свою руку. Она была обычной: длинные пальцы, грязь под ногтями, повязка, прилипшая к ладони. Плечо болело. Во дворе пахло мокрой шкурой и навозом.

Он снова присел, нашёл знак и прижал к нему палец. Ничего. Только дерево, шероховатое по краям.

— Ты слышишь меня?

— Чья это повозка?

Бренк нахмурился.

— Ты глухой стал?

Тирен поднялся. Теперь он смотрел на продавца.

— Откуда она?

Мужчина отвёл глаза к загону. Кобыла перестала жевать и стояла, повернув к ним голову.

— Брата моего. Тебе-то зачем?

— Мне… Я такую видел.

— Таких много.

Тирен хотел спросить сразу обо всём: где живёт брат, как давно у него эта повозка, кто ездил в ней раньше. Слова толпились и мешали друг другу. Он боялся, что мужчина уйдёт, пока он выбирает нужные.

— А брат где?

Бренк посмотрел на продавца. Между ними прошло что-то, чего Тирен не понял.

Мужчина заправил мешок глубже за пазуху.

— Был бы здесь, сам бы продавал.

— Где его найти?

На этот раз мужчина посмотрел прямо на него.

— Так нашли бы уже. Десятый день нету.

Тирен стоял, держась за край повозки. От прикосновения к метке ещё оставалась слабая саднящая полоска на пальце.

— А лошадь?

— Лошадь вернулась.

За спиной Бренка скрипнула загородка. Кобыла просунула морду между жердями и потянулась к ведру.

— Одна, — добавил мужчина.

Глава 2

Тирен оглянулся на кобылу. Та облизала край ведра и толкнула его носом. По дну перекатились последние капли.

— Прямо с повозкой вернулась?

— С повозкой, — ответил мужчина. — Во двор сама свернула.

— Далеко?

— Что далеко?

Тирен не сразу нашёл слова. Перед глазами всё ещё стояла маленькая рука на дереве. Если закрыть глаза, можно было удержать качание и тепло чужого плеча. Лица не было. Он даже не знал, с какой стороны сидел тот человек.

— Откуда ей идти пришлось?

Бренк нагнулся, поднял упавшие ремни и сунул ему в грудь.

— Сначала убери.

Тирен подхватил сбрую. Пока донёс её до крюка под навесом, продавец отошёл к воротам. Он говорил с Дерном, показывая через плечо на повозку. Бренк вернулся в разделочную.

Можно было взять скребок и заняться двором. Мужчина ушёл бы, завтра пришёл за телегой, а может, прислал кого-нибудь. Тирен потом спросил бы Бренка, где его искать. Тот захотел бы знать зачем.

Тирен повесил последний ремень и поспешил к воротам.

— Там знак, — сказал он.

Мужчина замолчал. Дерн посмотрел на Тирена с любопытством.

— Под оглоблей. Брат сам вырезал?

— Я за его ножом не следил.

— А повозка давно у него?

Мужчина нахмурился, и Тирен испугался, что сейчас услышит то же, что уже говорил Бренк: иди работай, не лезь.

— Ты её где видел?

— Не помню.

— А чего тогда спрашиваешь?

Ответить было нечего. Тирен потёр большим пальцем саднящее место под ногтем. Дерн переступил с ноги на ногу; дырявый сапог чавкнул.

— Он у нас иногда не помнит, — сказал он. — Потом опять спрашивает.

Мужчина присмотрелся к Тирену внимательнее. Тот опустил руку. Не хватало ещё, чтобы его начали жалеть при Дерне.

— Я раньше ездил в такой, — сказал он. — Маленьким.

Мужчина помолчал.

— Ивен её лет восемь назад купил. Или девять. Старую уже. Борта менял, задок тоже. Твоего знака я не знаю.

Тирен повторил имя про себя. Ивен. Оно ничего не вызвало.

— Он откуда ехал?

— В Вельт собирался. Через старую переправу. Выехал утром, к вечеру должен был заночевать на той стороне.

— А вернулась когда?

— Позавчера, перед светом. У ворот встала. Жена услышала колёса, решила — Ивен приехал. Вышла, а там одна лошадь.

Дерн перестал улыбаться.

— Вся дорога в воде, — сказал он. — Могло смыть.

— Повозку не смыло.

— Его могло.

Продавец медленно повернул к нему голову. Дерн пожал плечами и стал счищать грязь с каблука о нижнюю жердь ворот.

— Мы ездили, — сказал мужчина. — В тот же день. До низины доехали — дальше вода. Следов нет. На другой день ещё люди ходили. Тоже вернулись.

— А через лес?

— Ты там был?

Тирен покачал головой.

— Вот и я не был. Мне сказали, теперь пешком только, по верхней тропе. Если её не размыло. За такое другие деньги просят.

Он достал из-за пазухи мешок, встряхнул и начал сворачивать заново. Внутри что-то тихо звякнуло. Тирен смотрел, как широкие пальцы расправляют углы ткани. Мужчина уже дважды мог уйти, но оставался.

— На передке кровь была, — сказал он. — Немного. Здесь.

Он кивнул в сторону повозки. Тирен пошёл к ней раньше, чем успел подумать, зачем. На верхней стороне оглобли возле сиденья темнело пятно. Он видел его, когда распрягал лошадь, и принял за грязь. Теперь различил несколько коротких потёков, забившихся в трещину.

— Может, его?

— Может.

Тирен поднёс палец к пятну, но не коснулся. Древесина пахла сыростью, ременной кожей, лошадиным потом. Кровь была старой, вымытой дождём. По ней нельзя было понять даже того, что мужчина хотел услышать: много её пролилось или мало.

— Он кого-то вёз?

— Ящик вёз. Закрытый. В погребальный дом.

Тирен поднял глаза.

— С покойником?

— С бумагами. И печать там была, в кожаном мешке. Ивен попутно возил, когда по дороге. За него я поручился. Теперь с меня спрашивают.

— Так брат у тебя пропал, — сказал Дерн.

— А я о чём говорю?

— Ты о ящике.

— Слышит он, что ему удобно. Брат у меня пропал, и я теперь должен за печать, за бумаги и за всё, что они ещё вспомнят. Мне со двором рассчитываться? Жене сказать, что детям зимой есть нечего, зато я о брате правильно горевал?

Он говорил всё громче. Из разделочной показался Бренк.

— Харс, ты торговать приехал или орать?

Мужчина вытер ладонью рот. Тирен только теперь узнал его имя.

— Телегу продам и уйду.

— Завтра продашь. Сегодня с прохода убери.

Харс взялся за борт. Тирен поспешил подхватить оглоблю, и вдвоём они откатили повозку к забору. Колесо провалилось в колею. Тирен упёрся плечом, почувствовал, что может поднять весь передок, но вместо этого переставил ноги и подождал, пока Харс толкнёт сзади.

Дерн тем временем ушёл. Бренк остался у дверей, завязывая передник.

— Ты, парень, зачем про Ивена спрашивал? — негромко сказал Харс.

Тирен отряхнул руки.

— Спросить у него хочу. Про повозку.

— А больше тебе не у кого?

— Нет.

Харс оглядел его от мокрых башмаков до повязки на руке.

— Найдёшь ящик — заплачу. До переправы пешком день с небольшим, коли не блуждать. Он туда ехал. Может, бросил по дороге. Может, сам где лежит.

— Ты же сказал, вода.

— Внизу вода. Верхом люди ходят.

— Тогда почему твои не пошли?

Харс сжал край борта.

— Потому что заплатил я им до переправы. А до неё они не дошли и решили, что дальше уговор другой.

Тирен не знал, правда ли это. Про верхнюю тропу Харс только что говорил иначе: ему сказали, он сам не был. Но возможность ещё раз услышать знакомое имя, которого он пока не знал, уже теснила все остальные мысли.

— Сколько?

Харс назвал сумму.

Тирен переспросил.

— За ящик, — повторил тот. — Целый. С тем, что внутри. Не за рассказ, что ты тоже до воды дошёл.

Сумма была больше всех Тиреновых сбережений. На новые башмаки её бы не хватило, но можно было подбить старые, купить одеяло потеплее и ещё что-то оставить.

— А если Ивена найду?

Харс посмотрел в сторону ворот.

— Живого приведёшь — добавлю.

Бренк подошёл незаметно. Тирен услышал его шаги, но слишком поздно: Харс уже договорил.

— Кого ты у меня нанимаешь?

— Я предложил. Спросить нельзя?

— Мне кто завтра работать будет?

Тирен повернулся к хозяину.

— Я ещё не согласился.

— Вот и не соглашайся. У меня овец привезут. Хочешь по лесам шляться, сперва рассчитайся.

— За что?

Слова вырвались слишком громко. Харс отступил от повозки, но не ушёл. Бренк медленно стянул передник с плеча и перекинул через борт.

— За что, — повторил он. — Пришёл ко мне — на ноги смотреть страшно, рубаха до пупа. Кто тебя одел? Кто кормил? Кто в дождь под крышу пустил? Ты теперь спрашиваешь, за что?

Тирен ощущал, как горит лицо. Ему хотелось, чтобы Харс отошёл. Чтобы не стоял, разглядывая то его, то Бренка, будто оба были частью торга.

— Я работал.

— И я работал. На тебя в том числе.

— Ты мне за прошлую неделю не отдал.

— Ещё отдавать должен! Харс, ты слышишь?

Харс поправил ворот и промолчал.

Тирен посмотрел на ворота. До них было несколько шагов. Можно было пройти мимо Бренка, свернуть на дорогу и больше не возвращаться. Нож был при нём. Деньги он успел бы забрать из сарая позже, когда все уснут.

Только через несколько дней пришлось бы искать кровь. Подойти к чужому двору, спросить, не режут ли скот. Объяснить, зачем нужна. Заплатить, если захотят взять деньги. А если не захотят?

Он вспомнил мокрую землю под щекой, чужой сапог возле лица. Это случилось ещё до Бренка. Тогда он вытащил из чужого корыта тряпку, которой вытирали после забоя, и хозяин увидел. Тирен не помнил лица того человека, зато помнил запах тряпки и то, как долго не мог разжать зубы, когда его тянули за волосы.

— Я просто спрашиваю, — сказал он.

Бренк ещё немного смотрел на него, потом забрал передник.

— Спрашивай, когда своё сделаешь.

Он отправил Тирена за опилками. Пока тот наполнял корзину, Харс ушёл. Сквозь щель в стене было видно, как его короткая куртка мелькнула за воротным столбом. Тирен стиснул ручку корзины. Не узнал даже, где он живёт.

После обеда время тянулось медленно. Тирен чинил ведро, подметал проход, носил воду. Если останавливался, перед ним возникал знак: три черты и загнутый конец. Он несколько раз ловил себя на том, что выводит его пальцем на рукояти метлы.

К повозке он подошёл только однажды, когда Бренк ушёл в дом. Присел, будто проверял колесо, и снова прикоснулся к резьбе. Ничего не произошло.

Тирен попробовал закрыть глаза. Представил тепло доски. Чужое плечо. Получилось представить, но он уже не понимал, чем это отличается от того, что он сам только что придумал.

Хуже всего было лицо. Теперь оно почти появлялось: тёмные брови, борода. Стоило всмотреться, и становилось ясно, что это лицо Бренка, только моложе. Тирен открыл глаза и выругался вполголоса.

До сегодняшнего дня он помнил всё с одного утра: чужую комнату, миску воды на полу, боль во рту. Позже были дворы, люди, работа. Эти воспоминания не исчезали. Он мог вспомнить, где потерял старый нож и кто первым назвал его Тиреном: женщина, у которой он таскал воду, сказала, что так звали её умершего брата. Ей надоело кричать «эй, ты». Ему тогда тоже надоело оборачиваться на это.

А до той комнаты не было ничего, за что можно ухватиться. Иногда снились лестницы и чей-то голос, но после пробуждения они распадались. Дерн говорил, что половина людей отдала бы деньги, чтобы забыть своё детство, а этот дурень бесплатно получил и недоволен.

Тирен провёл ногтем по зазубрине. Сегодня было иначе. Он знал её до того, как нащупал.

Со стороны загона донёсся сухой стук. Кобыла переступила, задела копытом нижнюю жердь. Тирен вылез из-под повозки.

Лошадь стояла, выставив вперёд больную ногу. Сено кончилось. Увидев его, она повернула голову, но уши оставила настороженными.

— Что, тоже работаешь?

Он вошёл в загон и протянул пустую ладонь. Кобыла обнюхала её, коснулась губами повязки. Тирен убрал руку, прежде чем она потянула ткань.

На ноге не было заметной припухлости. Он провёл ладонью от колена вниз, остановился над копытом. Кобыла напряглась. Тирен подождал, прислонившись плечом к её плечу, потом осторожно попросил поднять ногу.

Она выдернула её из рук и поставила обратно.

— Хорошо. Давай ещё.

Со второго раза удалось удержать. В подошву набились навоз и мелкий щебень. Тирен вычистил грязь тупой щепкой. У края подковы застрял плоский камень, такой плотно вбитый, что не шевельнулся, когда он поддел его.

Кобыла дёрнулась. Он опустил ногу, дал ей постоять, затем попробовал снова. Камень подался и упал на землю. Под ним осталось влажное углубление. Тирен провёл рядом пальцем; лошадь напряглась, и он больше не трогал.

Когда она переступила, хромота осталась. Но ногу теперь ставила ровнее.

— Ну вот.

Он поднял камень. Острый с одного края, гладкий с другого. Наверное, она наступала на него несколько дней. Тирен бросил его через ограду, в сторону пустыря.

Дерн сидел у сарая, стягивая сапог.

— Ты ей только подковы не сними. Кузнец за них даёт.

— Там камень был.

— Теперь нету.

Он вывернул голенище и потряс сапог. Выпал небольшой комок грязи. Дерн посмотрел на него с таким отвращением, будто комок попал туда по чьему-то злому умыслу.

— Харс где живёт? — спросил Тирен.

Дерн поднял глаза.

— Ты всё о том?

— Просто скажи.

— У бондаря свернёшь, второй двор. Ворота низкие, через них колёса не всякие проходят. Ивен к нему на пустыре обычно вставал. Завтра придёт за телегой, сам спросишь.

Тирен кивнул.

— Не ходи туда, — сказал Дерн.

— К Харсу?

— К переправе. Там взрослые люди повернули.

— Я тоже взрослый.

Дерн оглядел его, задержав взгляд на рукавах куртки.

— Ну да.

Тирен почувствовал ту же злость, что утром, когда Дерн ударил бычка. Захотелось сказать, что он может поднять то, чего Дерн и с места не сдвинет. Что слышит, как тот по ночам кашляет у себя за стеной, хотя между ними два двора. Что порезанная ладонь уже целая.

Он сунул забинтованную руку в карман.

— Я не просил меня отпускать.

— Меня и не надо. Бренка проси.

Дерн натянул сапог, крякнул и пошёл за новой охапкой опилок. Разговор кончился.

К вечеру Тирен домыл желоб. Пока чистил дальний конец, услышал шаги и поднял голову. Бренк остановился рядом с коробом над ямой.

— Камень зачем?

Тирен вытер лоб рукавом.

— Доска мягкая. Где крюк.

Бренк снял камень, откинул крышку. Тирен невольно отступил. Внизу было тихо. Хозяин потянул крюк, подержал пальцы на древесине.

— Завтра сменишь. Дубовый обрезок в сарае возьми. Этот, — он ткнул носком в короб, — на растопку не бросай. Вынеси за двор.

Он сам закрыл крышку и вернул камень. Тирен подобрал щётку.

— Доделал?

— Сейчас.

Бренк постоял ещё немного.

— Сколько Харс давал?

Тирен назвал сумму.

— За ящик?

— Да. За брата ещё.

Бренк задумчиво потёр переносицу.

— За брата он тебе много чего наобещает. А ящик ему нужен.

— Я найду.

Сказал и сам услышал, как это прозвучало. Будто уже побывал на дороге, осмотрел воду и знал, где искать.

— Найдёшь он, — повторил Бренк. — Если уйдёшь, мне человека брать на твои дни. Он за спасибо не станет. Харс его работу оплатит — тогда говорить можно.

Тирен медленно выпрямился.

— Ты отпустишь?

— Я сказал, говорить можно. Сначала деньги посчитайте. И долг твой никуда не делся.

— Какой долг?

Бренк посмотрел на него устало.

— Опять начинаешь?

Тирен опустил глаза на щётку. Щетина с одного края стёрлась почти до дерева.

— Нет.

— Вот и хорошо.

Хозяин уже собирался уходить, когда Тирен спросил:

— Лошадь сколько стоит?

— Для кого?

— Просто.

Бренк назвал цену. Она была выше той, которую Тирен слышал, когда Харс торговался, хотя точную сумму тогда не разобрал.

— Ты дешевле взял.

— Так иди дешевле возьми.

— Она хромает.

— Мне её пахать не ставить.

Бренк отступил от мокрого желоба и посмотрел на небо. Над крышами собиралась ровная серая полоса.

— Послезавтра с утра и разделаем. Пока прохладно. Завтра овец привезут, времени не будет.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Тирен остался со щёткой в руке. Завтра овцы. Послезавтра лошадь. В этом порядке не было ничего нового. Животных привозили, он поил их, снимал верёвки. Иногда давал сено. Потом выносил внутренности и мыл пол.

Он опустился на колени и дочистил желоб.

Вечером ему дали остатки каши. Тирен съел всё, выскреб миску хлебной коркой и отнёс на место. На этот раз кровь была не нужна. Он стоял у бочки и думал, что, если уйдёт, придётся брать с собой. В чём? Кружка расплескается. Бутыль найдётся, но чужая. Значит, снова платить или просить.

Свет в доме Бренка ещё горел, когда Тирен вернулся в сарай. Он отодвинул поленья, достал тряпицу с деньгами и расстелил на одеяле.

Монет было семь. Четыре почти одинаковые, две поменьше, одна с отверстием возле края. Тирен разложил их, сложил вместе, потом снова разложил. Сколько ни пересчитывал, до цены лошади не хватало даже с обещанной наградой.

Бренк должен был ему за работу. Если всё отдать за кобылу, а Харс оплатит его отсутствие… Тирен попробовал сложить суммы в уме и запутался. Взял щепки. Разложил на полу, отделяя то, что уже было, от того, что ещё могли дать.

Оставалась маленькая кучка, которой не существовало.

Можно было попросить у Харса больше. Сказать, что искать надо двоих: брата и ящик. Нет, так выйдет глупо. Попросить за то, что другие не пошли. И не позволить Бренку снова включить куртку, пока не скажет, сколько именно за неё хочет.

Он представил, как произносит это вслух при обоих. Слова получились ровные, взрослые. В настоящем разговоре они наверняка спутаются.

Снаружи кобыла скребнула копытом. Тирен замер, прислушиваясь. Она топталась у ограды; там тянуло с пустыря, и под навесом места было лишь на половину загона.

Он собрал монеты, спрятал их и вышел.

В доме Бренка закрыли ставню. Во дворе остался узкий прямоугольник света из кухни. Тирен взял охапку сухой подстилки, отнёс под навес и расправил ногой. Кобыла подошла, толкнула его плечо мордой. Он подвинулся, освобождая ей место.

Она принялась перебирать губами солому. Тирен распутал один репей в хвосте, другой. Третий сидел так крепко, что пришлось оставить. Кобыла нетерпеливо переступила.

— Ладно. Потом.

Он сказал это и задержал руку на спутанных волосах.

Потом было завтра. Послезавтра Бренк велел бы подать верёвку.

Тирен вышел из загона, проверил засов и прошёл к повозке. В темноте знак нашёлся сразу. Он обвёл его, стараясь не торопиться, но чужое плечо больше не вернулось. Только колесо чуть подалось в мягкой земле.

Возчик мог знать, кто сидел с ним рядом. Мог посмотреть на его лицо и вспомнить имя, которое принадлежало ему прежде. А мог просто сказать, у кого купил повозку. Даже это было бы больше, чем всё, что Тирен узнал за последние годы.

Завтра Харс придёт продавать её. Потом метка уйдёт вместе с чужой лошадью и чужими колёсами. Останутся доски сарая, недоплаченные деньги и место у стока, куда можно прийти с кружкой.

Тирен вернулся к одеялу. На полу ещё лежали щепки. Он сгрёб их в сторону, сел и снова достал монеты.

Семь. Он отсчитал их по одной на ладонь. Этого хватало на несколько дней еды, если Бренк согласится взять только будущую плату. Башмаки пока можно подшить самому.

Тирен завязал деньги в тряпицу и впервые за долгое время положил не под поленницу, а во внутренний карман куртки.

Утром нужно было поговорить с Харсом раньше Бренка. Попросить больше. Согласиться искать. И прежде, чем они начнут считать, сказать, что часть платы он возьмёт лошадью.

Он повторил это про себя, пока слова не перестали путаться.

Глава 3

До первого удара колокола Тирен успел вынести золу, выскоблить колоду и дважды пройти мимо навеса, где стояла кобыла. Он не подходил к ней: Бренк уже сидел у двери конторы и следил за двором поверх чашки. От горячего питья над его руками шёл пар. Было холодно, однако хозяин не надел верхний кафтан, словно нарочно показывал, что утро обыкновенное и никакого разговора, ради которого стоило одеться, не предвидится.

Дерн застал Тирена у водяной бочки.

— Снова всё ведро опрокинул? У тебя сапоги мокрые.

— Роса.

— Под навесом тоже?

Тирен промолчал. Дерн вынул из-за пазухи кусок хлеба, отломил половину, но протянул не сразу.

— Харс придёт. Хозяин вчера велел за ним послать. Колёса от той повозки хочет купить.

— Знаю.

— Ничего ты не знаешь. Если бы знал, лицо бы сделал попроще.

Хлеб оказался с луком, вдавленным в мякиш. Тирен ел, стараясь не смотреть на контору. За ночь он столько раз произнёс про себя приготовленные слова, что теперь они казались чужими и нелепыми. Он хотел предложить сделку, а выходило, будто просит подарить ему чужую лошадь. Надо было начать с ящика. Человек мог не вернуться, а ящик с бумагами и печатью всё ещё кому-то требовался. За него платили. За то, что Тирен желал уйти с бойни, никто платить не собирался.

Харс явился после колокола, без повозки. На плече у него висел холщовый мешок; в мешке звякало железо. Он остановился у навеса, посмотрел на кобылу, потом, не позвав её, пошёл к Бренку. Тирен положил хлеб на край бочки.

— Сначала доешь, — сказал Дерн.

Но Тирен уже пересёк двор.

Бренк не велел ему убираться. Это было хуже окрика: хозяин ждал. Харс обернулся, и по тому, как он отвёл глаза, Тирен понял, что они говорили о нём прежде.

— Я пойду искать, — сказал он. — За плату. Если договоримся.

— С добрым утром и тебе, — ответил Бренк. — Вёдра сами понесут воду?

— Я верну за работу.

— Чем?

— Платой.

Бренк опустил чашку на табурет. Харс потёр ладонью рот. Он был не стар, но борода у подбородка уже поседела, и в свете из открытой двери стало видно, как давно он толком не спал.

— Ты прежде хотя бы до старой гати ходил? — спросил он.

— Нет.

— А дальше?

— Нет.

— И брата моего не знаешь.

— Кобыла знает дорогу.

Харс взглянул на Бренка. Тот засмеялся тихо, горлом, будто подавился крошкой.

— Вот ради чего всё. Хорошо придумано. Возьмёшь мою лошадь, а мы после вас обоих разыскивай.

Тирен заставил себя не ответить сразу. На убойном дворе как раз переворачивали колоду. Дерн намеренно шумел, ударяя её концом о камни; всё равно он слышал каждое слово.

— Лошадь будет частью платы, если я верну ящик. Пока вы дадите её для поиска. Я поведу, а не поеду. Ей спину натёрли, и нога ещё болит. Если ящик не принесу, лошадь ваша.

— А если ты её загубишь?

— Запишете долг.

— У тебя уже есть.

— Поэтому и надо записать всё сразу.

Бренк перестал улыбаться. Тирену вдруг стало легче: теперь хозяин смотрел на него как на дурного работника, с которым придётся считать, а это было знакомо.

Харс поставил мешок на землю.

— Двенадцать медных за ящик я дам. Целый, с замком. Бумаги должны быть сухие. За брата живым ещё шесть. Мёртвым... — Он потёр переносицу. — За весть две. За верную весть, которую можно проверить. И я не стану платить, если ты принесёшь то, что уже здесь рассказывают на рынке.

— Двенадцать мало, — сказал Бренк.

Тирен посмотрел на него с удивлением.

— За такую дорогу, — добавил хозяин. — За восемь дней работника лишусь. Если он вообще вернётся.

— Я не нанимаю твоего работника, — ответил Харс. — Я плачу за свой ящик.

Они спорили долго. Цена кобылы менялась так легко, словно речь шла о разных животных. Бренк называл корм, место под крышей, потерю времени; Харс напоминал, сколько получил сам. Тирен молчал, пока они не дошли до его долга за куртку. Тогда он сказал:

— Четыре за куртку? Ты вчера и цены не назвал.

— Зато теперь называю.

— Две ей цена, — отозвался Дерн. — С такой подкладкой ещё поискать надо, кто возьмёт.

Он стоял в дверях, с хлебом в одной руке и роговой ложкой в другой. Бренк повернул к нему голову.

— А работать кто будет?

— Туша ещё не пришла. И Тирену за последние дни четыре причитается. Если считать по вашему же слову.

Тишина после этого была такой плотной, что Тирен услышал, как муха бьётся о внутреннюю сторону окна. Он не просил Дерна вмешиваться. Ночью даже не думал, что кто-нибудь станет его поддерживать. Захотелось оглянуться и посмотреть тому в лицо, но он удержался, боясь выдать слишком многое.

— Ты мне ещё ведомости веди, — сказал Бренк.

— Вести не умею. Помнить умею.

Харс сел на край порога.

— Давай по порядку. Я обещаю двенадцать за ящик. Из них восемь тебе за кобылу. Две за его отсутствие, если вернётся не позже восьмого вечера. Остальное ему. Твоего старого долга я не знаю.

— Кобыла стоит десять.

— Ты за неё дал шесть. Она с ранами. Восемь, Бренк. И я больше не стану слушать, как ты кормишь овсом лошадь, которой насыпал прелой соломы.

Бренк медленно поднялся. Тирен ожидал, что сейчас всё кончится: хозяин выгонит Харса, ударит его самого и вечером отправит кобылу под нож. Но Бренк только отнёс чашку в комнату. Когда вернулся, в руках у него была деревянная дощечка и закопчённый грифель.

— Восемь, — сказал он. — Две за отсутствие. Старый долг закрываем из заработанного. Ещё две заработанных выдаю сейчас. Не возвращается к восьмому вечеру — каждый следую-

щий день полмедной сверх того. Лошадь до расчёта моя. Ты, Харс, ручаешься, что заплатишь, когда ящик окажется здесь?

— Ручаюсь.

— И писать пойдёшь сам. Я из-за этой затеи по людям бегать не буду.

Они позвали счётчика с мучного склада. Тот пришёл, жуя, и долго отряхивал пальцы над порогом. Ему было неприятно отрываться от завтрака ради людей, которые не покупали муки. За запись он взял половину медной; Бренк попробовал отнести её к расходам Тирена, но Харс молча положил деньги на табурет.

Писали на узкой полосе грубой бумаги. Счётчик несколько раз смачивал перо о нижнюю губу. Потом прочёл вслух: восемь дней, начиная с сегодняшнего утра; возврат ящика с бумагами и печатью — двенадцать медных; из них десять Бренку, восемь за лошадь и две за отсутствие работника. Две Тирену. Живой Ивен, найденный в таком месте, куда Харс сможет добраться и получить брата, — ещё шесть Тирену. Кобыла на время поиска передана во временное пользование, окончательно переходит после исполнения условия о ящике. Старый долг работника погашен удержанием двух из четырёх заработанных медных. Две выданы при свидетелях.

— Почему две за весть о мёртвом не написал? — спросил Бренк.

Харс закрыл глаза, потом сказал:

— Напиши.

Тирен смотрел на бумагу. Следы пера были чуть блестящими, как свежие царапины на коже. Из всех этих знаков он мог узнать разве что некоторые цифры, да и то не поручился бы. Счётчик видел это.

— Повторить?

— Повтори.

Бренк фыркнул, но Дерн остался у двери, и счётчик прочёл ещё раз, медленнее. На этот раз Тирен остановил его там, где говорилось о живом Ивене.

— Если он не сможет идти, я вернусь за людьми. Это считается?

— Считается, — сказал Харс. — Если он там будет.

— Так и скажи при нём.

Счётчик поднял брови и дописал короткую строчку. Тирен поставил вместо подписи косой крест. Получилось слишком много чернил: нижний конец расплылся. Он ожидал, что над ним засмеются, но никто не засмеялся. Харс подписал своё имя, Бренк приложил маленькую хозяйскую печать. Дерн тоже поставил крест, более уверенный и потому похожий на зарубку.

Копию отдали Харсу. Первую бумагу Бренк спрятал в конторе. Тирену счётчик предложил третью за отдельную плату, и он отказался. Семь его монет лежали в кармане куртки; теперь к ним прибавились две. Девять — столько денег у него разом прежде почти не бывало. Он пересчитал их под навесом, прикрывая ладонью от чужих глаз.

Одна медная была стёрта с одной стороны до гладкости. На другой оставалась половина венца.

— Старый Коронат, — сказал Харс, стоявший сзади. — Такую у моста берут за половину. На рынке здесь целиком, а у моста половина. Спрячь её на обратный путь.

Тирен не знал, кто такой Коронат, и сперва решил, что это имя давно умершего чеканщика. Харс, заметив его взгляд, добавил:

— Королевство было. Монета дольше королевства прожила. Дай лучше ту, с дыркой. Если будешь платить за переправу.

Он достал из мешка сбруйный ремень и две деревянные пряжки. Железо звякало внизу: там лежали снятые с повозки скобы.

— Седельца нет. Под груз положи сложенное одеяло. Больше мешка ей не вешай. К задней левой ноге близко не подходи, когда ест, у неё привычка.

— Как её зовут?

— Брат называл по-своему. Я звал лошадью.

Тирен провёл пальцем под ремнём. Кожа пересохла, возле отверстий пошла светлыми трещинами.

— А Ивена как узнать?

Харс ответил не сразу. Отвернулся к двору, словно брат мог стоять там, у ворот, и стоило только поискать глазами.

— Ростом с меня. Нос сломан, вот здесь горбинка. На правой руке два пальца не разгибаются до конца — зимой бревно сорвалось. Борода тёмная. Говорит быстро, если врёт, а если правду — медленно. Шапка у него синяя, выгоревшая, только он её непременно потерял. Ящик везёт по счёту в Вельт. Дубовый, такой длины. — Он развёл ладони. — Угол обит железом. На крышке выжжена эта же метка, что на оглобле. Замок маленький, ключа у меня нет.

— Что внутри?

— Бумаги, печать. Я сказал.

— Почему за них столько?

— Потому что я поручился за доставку. Если они пропадут, с меня спросят больше, чем я могу отдать. А брат... брат думал успеть до дождей.

Он с неожиданной злостью затянул ремень вокруг собственной ладони, потом распустил.

— По старой дороге до брода. Дальше держись левого края, где ельник. У выжженного двора надо свернуть. Ивен там останавливался, когда колёса проверял. Дорога одна, а троп много. Не ходи за каждой, какую она тебе покажет. Она может и к овсу пойти.

Тирену нужно было запомнить всё. Он повторил: старая дорога, брод, слева ельник, выжженный двор. Харс поправил его: двор не весь выжженный, только амбар, дом стоит. Это казалось различием важным для человека, который когда-нибудь доберётся до того места.

Перед выходом оставалось купить еду. На торгу Тирен потратил полторы медных: хлеб, луковицы, горсть соли в тряпице, два сухих куска сыра. Продавщица сыра пыталась дать один с зелёным краем. Он вернул его, и она посмотрела на него так, словно нищему полагалось благодарить за любое дерево, лишь бы называлось сыром. Другой кусок оказался твёрдым, но чистым. За полмедной ему насыпали овса в мешок, не доверху. Он впервые сам проверил мерку.

Воды взял две фляги: свою, из потрескавшейся кожи, и деревянную, которую дал Дерн. На дне деревянной пахло кислым пивом, сколько её ни полоскали.

— Вернёшь, — сказал Дерн.

— Если вернусь.

— Это ты Харсу говори. Мне флягу верни.

В убойном закутке оставалась вчерашняя свиная кровь, слитая в глиняный горшок. Тирен дождался, пока Дерн выйдет, и выпил, придерживая горшок обеими руками. Она успела остыть и загустеть у стенок, но под коркой была ещё жидкая. Тепло поднялось от живота к плечам. Сразу стало слышно больше: Бренк двигал сундук за стеной, кобыла выдохнула через ноздри, по улице катили бочку с плохо пригнанным обручем. Он не взял крови с собой. Унести её в таком виде значило к вечеру получить зловонную жижу и испортить посуду. До другой бойни, до охотника, до двора, где режут птицу, надо было дойти на том, что есть.

Дерн, вернувшись, посмотрел на горшок и ничего не сказал. Протянул старую холщовую рубаху.

— На тряпки. Протрёшь ногу — оберни, не жди, пока мясо полезет. И голову включай. Сильный ты, да дурной.

— Знаю.

— Не знаешь. Все дурные так говорят.

Они вместе привязали груз. Тирен хотел обернуть кобыле спину одеялом целиком, но Дерн показал, как оставить натёртость открытой, а два небольших свёртка подвесить по бокам, ближе к груди. Кобыла дёрнула кожей, когда ткань задела ранку. Тирен тотчас ослабил ремень.

— От этого он болтаться начнёт, — сказал Дерн. — Не тяни и не отпускай без конца. Вот здесь ладонь проходит — хватит.

На повозке под стеной метка была видна хуже, чем вечером. Днём углубления сливались с древесными волокнами. Тирен принёс кусочек угля из очага, разгладил на оглобле обрывок светлого холста и потёр углём боком. Три короткие черты, длинная над ними, загиб на одной — всё проявилось неровно, с серыми пятнами вокруг. От прикосновения к дереву снова потянуло под рёбрами. Не болью: так тянуло, когда он почти вспоминал забытое слово. Он ждал маленькой руки, плеча, чего-нибудь ещё, но увидел только собственные почерневшие пальцы.

— Для чего? — спросил Дерн.

— На ящике такая же. Чтобы не перепутать.

Это было правдой, и оттого ложь получилась лёгкой.

У ворот Бренк потребовал показать мешки. Развязал один, ткнул пальцем в хлеб, приподнял рубаху. Тирен стоял рядом, чувствуя, как жар поднимается к ушам. Нож в ножнах на поясе хозяин не тронул: нож был Тиренов, купленный у точильщика без рукоятки, и рукоятку он сделал сам.

— Восьмой вечер, — сказал Бренк. — Не утро девятого. И кобылу не гонять.

— Не буду.

— Упрёшься в воду — назад. Утонете оба, с кого мне брать?

Харс ждал снаружи. Он уже продал скобы, и мешок висел пустым. Тирен подумал, что надо сказать ему что-то о брате — обещать поискать хорошо, обещать не бросить, — но любое обещание, кроме написанного счётчиком, показалось дешёвым. Вместо этого спросил, какого цвета был Ивенов кафтан.

— Серый. Локоть зашит чёрным. Левый, кажется. Нет, правый. Сам узнаешь.

Они постояли ещё немного. Кобыла опустила голову и дотянулась до пучка травы у сточной канавы. Тирен отвёл её, она недовольно мотнула мордой.

— На обратном пути постучи, даже если ночью придёшь, — сказал Харс. — У бондаря свернёшь, второй двор. Ворота низкие. У двери жёлтая доска, на ней крюк.

Тирен кивнул и взял повод короче. Первые шаги кобыла сделала осторожно, затем её ход выровнялся. Он подстроился, чтобы не дёргать ей голову. У поворота оглянулся: Харс ещё стоял перед воротами, а Дерн уже ушёл во двор. Над крышей бойни поднимался дым. Тирен проверил деревянную флягу, стукнувшую по бедру, переложил повод в другую руку и пошёл за кобылой мимо последних домов.

Глава 4

За последними огородами ещё пахло жильём: капустной кочерыгой, навозом, дымом из печей. Потом дорога поднялась между двумя осыпавшимися межами, ветер переменился, и Тирен впервые за утро перестал чувствовать бойню. Он остановился, будто забыл что-то взять. Кобыла воспользовалась остановкой и потянулась к сухой лебеде.

С холма были видны крыши. Низкие, тесно сдвинутые, подёрнутые дымом, они отсюда казались меньше тех дворов, между которыми прошли последние годы. Тирен нашёл глазами длинный сарай Бренка. За его стеной, под поленницей, осталось продавленное место в земле. Сегодня туда поставят корзину или свалят обрезки досок. Никому не придётся думать, куда делся человек, который там спал: все знали, на сколько дней его отпустили.

Он проверил деньги сквозь куртку и повёл кобылу дальше.

Дорога раздваивалась у старого межевого столба. Правая колея уходила в поля, левая темнела под ольхой. Кобыла почесала щёку о столб, оставив на древесине несколько рыжих волосков, и послушно повернула туда, куда потянул Тирен. Он надеялся на другое: что она сама выберет дорогу, уверенно, без промедления. Но лошадь только шагала рядом, изредка дёргая губами к траве. Приходилось идти по словам Харса.

Поначалу Тирен слышал за собой шаги даже там, где их не было. Треснет под копытом ветка — он обернётся; скатится с насыпи камешек — придержит повод. Дерн мог догнать его и велеть вернуться. Счётчик мог что-нибудь напутать. Бренк мог вспомнить ещё один долг. Каждый раз позади оказывалась пустая дорога, покрытая влажными листьями, и постепенно ожидание окрика ослабело. Плечи опустились. Тирен поймал себя на том, что давно идёт, не втягивая голову в ворот.

Над низинами стоял туман. Ольха поднималась из него чёрными тонкими стволами; на ветвях дрожали капли, и каждая вспыхивала, когда сквозь облака проступало солнце. Дальше начинались убранные поля. В бороздах лежала вода, а на узких полосах стерни вороны переворачивали комья земли. Тирен видел их далеко, до отдельных перьев на шее, но не мог понять, что они находят в этой мокрой пустоте. С бойни поле казалось местом, где растёт еда. Здесь было видно, сколько после неё остаётся голой земли.

У лесного края стоял дом без крыши. Печная труба сохранилась, дверь тоже; за ней росла берёза, уже выше притолоки. К изгороди кто-то привязал пучок выцветшей шерсти. Тирен заметил такие же пучки на двух следующих столбах, но спрашивать было не у кого. Он лишь отвёл кобылу подальше от провалившегося колодца. Внизу, под венцом из гнилых брёвен, неподвижно лежало небо.

К полудню левый сапог натёр пятку. Сначала Тирен менял шаг, потом старался наступать на внешний край подошвы. Боль ненадолго утихала и возвращалась, уже острее. Он привык терпеть: если за каждый порез садиться, работы до ночи не закончишь. Но здесь никто не заставлял его идти. Это простое обстоятельство пришло в голову только после того, как внутри сапога стало мокро.

Он сел на поваленную берёзу и разулся. Кожа над пяткой вздулась длинным белёсым пузырём. Дернову рубаху пришлось рвать зубами: начатая ножом полоса ушла поперёк ткани. Пока Тирен обматывал ногу, кобыла обирала листья с ветки над ним. Мелкий сор сыпался за ворот. Он поднял голову, встретился с её спокойным взглядом и почему-то рассердился.

— Тебе хорошо. У тебя четыре.

Кобыла перестала жевать.

— Ноги, — пояснил он.

Она потянулась за следующим листом. Тирен стряхнул сор с шеи. Разговор получился глупый, но после него стало легче снова натянуть сапог.

На привале он снял с лошади свёртки. Натёртость под гривой подсохла; возле края ещё темнели слипшиеся волоски. Кобыла позволила осмотреть спину, однако, когда он наклонился к больному копыту, отвела ногу. Тирен не стал настаивать. Хромала она меньше, чем на бойне, и он боялся не столько самой раны, сколько того, что сделает хуже, приняв своё старание за умение.

Овёс он насыпал в сложенный холст. Пришлось держать оба края: лошадь забирала зёрна жадно, толкая ткань мордой. Себе Тирен отрезал хлеба и сыра. В мешке лежали ещё целые куски, но теперь он видел весь свой запас сразу, и оттого каждый отрезанный ломоть казался слишком толстым. Он убрал нож, доел и через несколько шагов снова захотел есть.

С телегой они встретились уже за полями. На ней везли пустые бочки, обвязанные верёвкой; у передней лопнул обруч, и клёпки расходились, как плохо стиснутые зубы. Правил старик с покрасневшими веками. Женщина рядом сидела на мешках, спрятав руки под безрукавку. Она первой заметила Тирена и спросила, не к броду ли он идёт.

Услышав ответ, старик придержал вожжи. Брода, сказал он, больше нет. Вода поднялась, бродники ушли ниже; теперь переходят у верхней мельницы, по временному настилу. С лошадью пройти можно, с телегой — разве что разобрать её по доскам. Они сами возвращались к развилке, чтобы искать другую дорогу.

— К воде до темноты не поспеешь, — добавила женщина. — Сверни к Парнену, у него на сеновале пусто.

Тирен хотел спросить, где искать Парнена, но старик уже отпустил вожжи. Бочки загремели, лошадь Тирена шарахнулась к канаве. Он ухватил повод обеими руками, поскользнулся, едва не упал ей под ноги. Когда выпрямился, телега уходила за поворот. Догонять её с вопросами было неловко: женщина наверняка подумала бы, что он ничего не слушал.

Он остался на дороге. Через час пожалел, ещё через час начал искать место для ночлега.

Ель росла на небольшом возвышении. Под нижними ветвями сохранилась сухая хвоя, а рядом, на просеке, было достаточно травы для кобылы. Тирен сначала привязал её слишком близко к дереву. Она обошла ствол, натянула верёвку и встала с видом существа, выполнившего всё, что от него требовали. Пришлось распутывать, переносить поклажу, снова выбирать место. За этими хлопотами он не заметил, как потемнел лес.

Последний свет держался наверху. Высокие стволы ещё были видны целиком, а между корнями уже лежала сплошная тень. Из земли поднимался холодный запах грибов и прелой хвои. Тирен собирал сучья на ощупь; сухие с виду ломались с влажным хрустом и не хотели гореть. Он долго сидел над трутом, заслоняя его ладонями, пока маленькое пламя наконец не облизало край бересты. Тогда он подложил тонких веток, ещё тоньше, чем хотелось, и дождался, чтобы они занялись.

У костра нашлось место лишь одной стороне тела. Лицо пекло, спину знобило; стоило повернуться, ветер приносил дым. Тирен ел хлеб с луком и смотрел, как огонь выгрызает из ветки светлую сердцевину. В сарае Бренка он иногда мечтал остаться совсем один, чтобы никто не трогал его вещей, не звал, не следил за кружкой в руке. Теперь за пределами круга света было столько свободного места, что хотелось придвинуть к нему хоть какую-нибудь стену.

Кобыла жевала неподалёку. Изредка звякала пряжка, шелестела трава под копытом. Тирен прислушивался к этим звукам чаще, чем к лесу.

Он просыпался от холода, от затёкшей руки, от собственного испуга. Один раз ему почудилось, что над самым лицом стоит Бренк. Он сел прежде, чем успел открыть глаза, и ударился лбом о ветку. Ель стряхнула на него воду. От костра осталась горстка углей, подёрнутая белым пеплом; кобыла стояла к нему боком, опустив голову. За её ногами, далеко между деревьями, блеснули две зелёные точки.

Тирен протянул к углям сухой конец ветки. Пока тот занимался, он различил запах зверя: мокрая шерсть, земля, сладковатый дух недавней добычи. Лиса. Она наблюдала за стоянкой,

надеясь на объедки. Когда Тирен поднял огонь, глаза исчезли без звука. Он ещё долго сидел, чувствуя, как быстро бьётся сердце, и злился на то, что не узнал её сразу.

К утру пятка затянулась новой кожей. Тирен провёл по ней пальцем и снова наложил тряпку, на этот раз ровнее. Боль ушла, но ноги оставались тяжёлыми, а от ночи на корнях ломило поясницу. Он выпил воды, доел вчерашний ломоть и поймал себя на желании вернуться. Не к Бренку — к сухому месту под крышей, к бочке, которую не нужно искать, к еде, о которой хотя бы известно, откуда она берётся.

Кобыла потянула пустой край холста. Тирен поднялся кормить её.

До реки дошли задолго до полудня второго дня. Лес расступился, и впереди открылась широкая полоса воды, почти одного цвета с небом. Река вышла из обычного русла, затопила прибрежные кусты и стояла среди них, поблёскивая в развилках ветвей. Два дорожных столба торчали по разные стороны потока. На дальнем висела полоска травы, прибитая водой высоко над землёй.

У ближнего столба теснились три телеги. Лошади дремали в сбруе, крытые рогожей тюки потемнели от сырости. Возчики спорили с человеком в жёлтой шапке; на шее у него висела медная бляха, а на сапогах не было той густой грязи, в которой стояли все остальные. Он устроился на сухом обломке каменной ограды и время от времени стучал палкой по голенищу.

Тирен оставил кобылу возле ивы и спустился к отмели. Там, где кончалась колея, глина была продавлена огромными округлыми ямами. В каждой дрожала мутная вода. Он присел у одной: впадина тянулась от его локтя до кончиков пальцев, а по её краю шли глубокие борозды. Такие следы не могла оставить ни лошадь, ни тележное колесо.

— Дальше не суйся, — окликнул человек в шапке. — Между ямами с головой уйдёшь.

Поперёк реки виднелся неровный ряд серых возвышений. Тирен принял их за камни. Ближние скрылись под водой, зато у противоположного берега одно возвышалось целиком — широкое, поросшее тёмной зеленью. По нему текли тонкие ручейки. Пока Тирен смотрел, сбоку медленно отделилась толстая лапа и легла на дно. Вода поднялась вокруг неё тяжёлой волной.

Он выпрямился.

Бродник повернул маленькую плоскую голову. На щеке у него висела водоросль; из-под нижнего края спины показалась бледная складчатая кожа. Существо было больше телеги, но двигалось так медленно, что Тирен не сразу понял, каким усилием оно сдвигает своё тело против течения. Ему случалось слышать, как говорят о переходах по бродникам. Он представлял длинные подвижные спины, что-то вроде огромных выдр, между которыми нужно ловко перескакивать. От этого зверя веяло терпением старого пня. На его спину села белая птица и тут же принялась искать что-то в складках.

Сборщик подошёл ближе. Остальные бродники, объяснил он, двое суток снимались с места. При высокой воде им здесь нечего делать, ложатся ниже, где течение приносит больше корма. Этот задержался, но от него до берега десять саженей. Кто попытается пройти прежним путём, попадёт как раз в вымоины, оставшиеся под их брюхами.

Тирен смотрел на воду. Харс говорил о дороге так, словно она лежала на земле навсегда: старая гать, брод, ельник. Ивен ехал по этим словам. Потом несколько тяжёлых животных поднялись со дна, и дорога оборвалась. Тирену хотелось увидеть на другом берегу хоть что-нибудь, оставшееся от той поездки, но там лишь качалась прибитая к столбу трава.

За выход к верхнему переходу сборщик потребовал медную. Тирен возразил: он ещё никуда не перешёл. Человек постучал по бляхе и сказал, что берёт за дорогу, а не за глубину реки. Возчики заговорили разом. Один требовал вернуть вчерашние деньги, другой спрашивал, когда починят старый мост. Сборщик отвечал всё тише, и от этого спор становился только громче.

Тирен отдал монету. Он не знал, сколько можно прождать здесь, прежде чем этот человек перестанет спорить и позволит идти. Восемь дней уже не казались большим сроком.

До верхнего перехода добирались почти три часа. Тропа лепилась к берегу, местами уходила под воду и возникала вновь на склоне. Там, где обвалился край, Тирен попытался провести кобылу через кусты. Ветки хлестали её по морде; она пятилась, и чем сильнее он тянул, тем упорнее отказывалась идти. Наконец он бросил повод, встал впереди и раздвинул ольху руками. Через несколько мгновений тёплое дыхание коснулось его затылка. Кобыла сама шагнула в оставленный проход.

На узком речном рукаве лежал настил из кривых досок. Его положили на свежие брёвна, ещё не очищенные от коры. Ниже торчали остатки старых свай, покрытые зелёной слизью. Вода разбивалась о них и уходила под мостки с глухим непрерывным рокотом. Тирен услышал его раньше, чем увидел людей у костра.

Их было двое. Один чистил репу, другой сушил портянку на рогатой палке. Рядом в траве лежали копья, а над тропой висела доска с вырезанными знаками. Тирену читать их не понадобилось.

— Две медных, — сказал тот, что чистил репу.

Тирен показал вниз по реке:

— Я уже заплатил.

— Там и переходи.

Человек не поднял головы. Нож шёл по репе тонко, снимая почти прозрачную кожицу. На большом пальце темнел старый порез. Тирен смотрел на этот палец, чтобы не смотреть на копьё, и объяснял, что внизу взяли за весь участок. Ему ответили: участок кончается у ольшаника, здесь люди мельника, доски мельничные и плата за них тоже мельничная.

Старый мост, по словам второго, должен был чинить город. Городские сборщики уехали ещё летом. Теперь хозяин верхней мельницы послал работников и положил свои брёвна. Рассуждать, кто сколько взял и кому следовало чинить, можно было сколько угодно; кобыла тем временем стояла под дождём, а день уходил.

Тирен вынул две монеты. Медную с половиной венца не приняли, пришлось достать другую. Он убрал старую поглубже, чувствуя, как край вдавливается в ладонь. Ещё утром деньги казались запасом на случай беды. Теперь за них просто позволяли поставить ногу на следующий кусок земли.

Кобыла вошла на настил не сразу. Обнюхала первую доску, переступила, остановилась. Человек с репой поднялся и придержал её сбоку, пока Тирен вёл за повод. Под копытами звонко стукнуло дерево. Настил прогнулся, из щелей выступила вода, и на середине кобыла замерла, широко расставив ноги.

Тирен потянул. Она вскинула голову так резко, что ремень обжёг ладонь.

— Не рви! — крикнули с берега.

Он ослабил повод. Внизу неслись клочья пены, листья, вырванные с корнем травы. Смотреть на них было нельзя: неподвижные доски начинали казаться плывущими навстречу течению. Тирен поднял глаза на дальний берег, но почувствовал под пяткой дрожь и снова посмотрел вниз.

Кобыла часто дышала. Белок показался в уголке глаза; бока ходили, натягивая ремни. Тирен ощутил её страх раньше, чем сумел придумать, что делать. От животного шёл горячий запах пота — тот самый, который появлялся в узком проходе на бойне, когда впереди уже слышали ножи и больше не хотели идти.

Он мог дёрнуть сильнее. Мог упереться ногами и заставить её шагнуть. На миг он даже увидел, как это получится, а следом — как копыто соскользнёт, кобыла рухнет на край и потянет его в воду. Пальцы разжались сами.

Тирен встал сбоку от её головы, поставив сапог поперёк доски. Коснулся переносицы. Под короткой мокрой шерстью кожа была тёплой; возле ноздри подрагивали жёсткие волоски.

— Тихо. Я здесь.

Он не знал, что ещё ей сказать. На берегу советовали смотреть вперёд, не стоять, подвести под брюхо ремень. Слова смешивались с водой и только мешали. Тирен вынул хлеб, отломил кусочек и поднёс к лошадиным губам, чуть не доставая. Кобыла потянулась за ним. Он отступил на полшага.

Первое копыто опустилось рядом с его носком. Доска качнулась, но выдержала. Тирен дал хлеб и подождал, пока лошадь прожуёт. Потом отступил ещё. Между ними оставалось расстояние вытянутой руки; разорвать его он теперь боялся больше, чем потерять время.

На берег кобыла вышла тяжело, будто поднялась из воды. Тирен провёл её подальше от края, отдал остаток хлеба и согнулся, упершись ладонями в колени. Дрожали ноги. За спиной люди снова уселись у костра, и один велел другому подвинуть котелок. Для них переход закончился.

Тирен ещё некоторое время не мог выпрямиться.

К вечеру они вернулись на старую дорогу. От реки теперь тянуло только холодом. За поворотом белела птица на спине бродника; издали невозможно было понять, что под ней живое существо. Тирен задержался на склоне. Он успел возненавидеть эту воду, обоих сборщиков и самого себя за то, как легко отдал деньги. Но, глядя на широкую серую спину, вдруг почувствовал усталое любопытство. Где они лежат зимой? Уходят под лёд или выбираются на сушу? И что должно пройти по берегу, чтобы такой зверь испугался?

Кобыла толкнула его плечом, пытаясь дотянуться до травы. Он уступил дорогу.

Монеты пересчитал уже в лесу: осталось четыре, включая старую. Он сложил их обратно и не стал прикидывать, сколько ночлегов можно купить. На вторую ночь выбрал место внимательнее. Сначала нашёл траву и воду для лошади, потом сухое углубление между корнями. Натаскал лапника, подложил самые толстые ветки под ноги. Под упавшей елью нашлись сухие сучья. Костёр разгорелся с первой попытки, и Тирен испытал короткое, несоразмерное делу удовольствие.

Он согрел сыр на кончике ножа. По поверхности выступил жир; край размяк и потянулся вслед за лезвием. Тирен ел медленно. Кобыла стояла в нескольких шагах, и огонь выхватывал из темноты то её ногу, то нижний край живота. Когда она переставала жевать, он тоже замирал. Потом снова слышалось неторопливое движение челюстей, и лес вокруг становился обычным лесом.

Дождь начался после полуночи. Вода собиралась на еловых лапах, проникала сквозь хвою редкими тяжёлыми каплями. Одна долго падала ему на шею, прежде чем он заставил себя выбраться из-под одеяла и передвинуть подстилку. Спать хотелось мучительно, но сон не держался. Сквозь него слышался голос Бренка, считавшего дни, и скрип мостков, который никак не мог остаться за рекой.

На третье утро Тирен встал с тяжёлой головой. Во рту было сухо. Он выпил, однако вода не убрала неприятной пустоты под рёбрами. Хлеб тоже не помог. До бойни отсюда два дня пути, до другого двора, где режут скот, — неизвестно сколько. Мысль о крови он отогнал, ещё прежде чем она успела обрасти подробностями. Сейчас надо было найти дом у пожарища.

Кобыла звала негромко, протяжно. Она стояла головой к дороге, натянув верёвку, и не пыталась щипать траву. Тирен подошёл к ней, прислушался. В лесу капало. Где-то высоко перекликались сойки. Людей он не слышал.

Он собрал вещи, стряхнул с одеяла воду и свернул его мокрой стороной наружу. Теперь лошадь шла охотнее. На развилке, где колея забирала вправо, она потянула по заросшему следу между елями. Тирен задержал её. Харс предупреждал, что лошадь может пойти к овсу. Но

ельник оставался слева, и чуть дальше сквозь ветви виднелось светлое пространство. Он пропустил повод между пальцами, позволяя ей выбрать путь.

Пожарище заросло высокой травой. Чёрные нижние венцы амбара ещё сохраняли углы, однако внутри уже росла рябина, её тонкие корни уходили между обугленными брёвнами. Дождь смыл с древесины золу; она блестела, словно её недавно натёрли маслом. Ограда лежала в крапиве. На одном уцелевшем столбе торчал ржавый гвоздь с пучком конского волоса.

Дом стоял дальше, под низкой тёмной крышей. Одна ставня закрывала окно, другая висела боком. Из трубы не шёл дым, у порога не было нарубленных дров. Тирен оглядел двор и лишь потом заметил старую колоду для водопоя, опрокинутую возле берёзы. Лошадь узнала её раньше: коротко заржала и пошла быстрее, натягивая повод.

Он дал ей дойти до берёзы. На стволе висела верёвочная петля, потёртая поводьями до светлых волокон. Кобыла остановилась под ней и принялась обнюхивать землю. Здесь её привязывали. Здесь она ждала, пока человек поил её или осматривал колёса. Тирен провёл ладонью по мокрой шее, стараясь не торопить собственную надежду.

У колоды сохранились две глубокие колеи. Дожди сгладили края, набили углубления листьями, но след разворота ещё читался: одно колесо прошло широко, другое почти на месте продавило глину. Между ними лежала щепа. Тирен поднял её; на свежем, ещё жёлтом изломе застряли волокна пеньковой верёвки. Он вспомнил траву на оглобле, пятно возле сиденья и медленно повернулся к дому.

Повод продел через петлю на берёзе, не завязывая. Достаточно потянуть за конец — освободится. Потом сунул щепу в карман и позвал:

— Есть кто?

Ничего. Только за спиной лошадь тихо ударила копытом по земле.

Тирен сделал несколько шагов. Перед крыльцом в глине стояла вода; по ней расходились мелкие круги от капель с крыши. Он уже собирался окликнуть ещё раз, когда за дверью что-то сдвинулось.

— Воды бы, — сказал слабый мужской голос.

Глава 5

Тирен снял флягу с пояса. Прежде чем подойти к крыльцу, он вернулся к кобыле и стянул с её спины мешок: хлеб и остатки овса можно было оставить под навесом над колодой. Заодно проверил повод. Тот свободно ходил в старой петле; стоило потянуть за конец — и лошадь была бы отвязана. Он ещё раз погладил её по шее и только тогда повернулся к дому. Пока вытаскивал пробку, за дверью поскребли — негромко, будто человек хотел опереться на дерево и не нашёл силы поднять ладонь.

— Ивен? — спросил он.

Кобыла у берёзы повернула голову. Вода во фляге плеснула, и Тирен вдруг подумал, что её осталось мало. Придётся искать колодец. Он посмотрел на заросли за перевёрнутой колодой. Там мог быть колодец. Встречать чужого человека с почти пустой флягой казалось стыдно, хотя всю дорогу он берёг воду для себя и лошади. Из дома снова донеслось:

— Воды бы.

Голос был мужской, надтреснутый. Так говорили после долгой болезни, выталкивая воздух понемногу. Тирен попробовал представить лежащего в темноте человека: щетина, впалые щёки, губы, слипшиеся от жажды. За три дня пути он столько раз думал о мёртвом Ивене, что теперь ему хотелось поскорее увидеть живого — пусть чужого, пусть совсем не того, кого он искал. Тирен подошёл к двери. Нижний край разбух и тёрся о порог; возле ручки дерево было исполосовано неглубокими царапинами.

— Я от Харса. Он вас ищет. Вы один?

Внутри затихло. Потом что-то мягко стукнуло об пол.

Тирен нажал на дверь плечом. Она подалась на ладонь и остановилась. Через щель пахнуло холодной золой, мокрой одеждой и ещё чем-то, что он знал по яме за бойней. Запах был слабый. Тирен знал его слишком хорошо, чтобы не насторожиться, но тут же нашёл ему объяснение: за те дни, что Ивена искали, рана могла загнить. На бойне случалось, что маленький порез на пальце раздувал всю кисть; тогда человек сидел возле печи и стонал, а остальные отворачивались от его повязок. Тирен придержал дыхание и надавил снова.

— Отойдите, я открою.

— Углежоги забрали раненого.

Он замер, упёршись ладонью в доску. Голос изменился: стал ниже, суше, с коротким присвистом на последнем слове. В доме, значит, был ещё кто-то. Облегчение оказалось таким сильным, что Тирен почти рассердился. Трое суток он шёл, считая монеты и радуясь любому следу, а здесь люди уже всё знали.

— Куда забрали? Кто здесь есть?

Дверь поддалась. Что-то за ней скользнуло вбок. Тирен решил, что убрали мешавшую вещь, и шагнул через порог, продолжая спрашивать.

В сенях было тесно. Слева висела груда старой сбруи, справа стояла бочка без дна, набитая лучиной. Свет из-за его спины упирался в низкую перегородку. Дальняя дверь была открыта; сквозь неё виднелись край печи и скамья с опрокинутой миской. На земляном полу тянулась борозда, пересекавшая старую золу. По краям её лежали мелкие валики, словно здесь волокли мокрый мешок. Тирен перешагнул через след. Под потолком торчали пустые гнёзда ласточек; одно осыпалось, оставив на стене светлый полукруг. Люди когда-то жили здесь достаточно долго, чтобы не замечать птиц над собственной дверью.

Тирен поднял флягу, чтобы не зацепиться за ремни.

— Где вы?

За левой рукой, там, где он принял тёмные складки за сбрую, раздался торопливый вдох.

Он успел повернуть голову. Бледное лицо оказалось совсем близко, ниже его плеча. Тирен ещё успел подумать, что человек сидит на корточках и не может подняться. Рта на нём сначала не оказалось: только сморщенная кожа, тёмные впадины глаз и длинная нижняя часть, уходившая к груди. Потом складка разошлась. Из неё вырвался знакомый мужской голос:

— Воды бы.

Тирен отшатнулся и ударился спиной о край бочки. Она опрокинулась, лучина зашуршала по полу. То, что висело у стены, развернулось целиком: узкое тело, сжатые возле груди ноги, руки слишком длинные для этих плеч. Один локоть выгнулся назад. Тирен увидел верёвку на шее, вросшую в грязные складки, и понял, что это не сбруя, не человек и никакая вода ему не нужна.

Тирен вскинул правую руку, закрывая лицо. Сверху обрушилась чужая кисть. Что-то твёрдое скользнуло по рукаву, разорвало ткань возле плеча, вошло глубже. Боли почти не было — только сильный толчок, будто его потянули за куртку. Тирен выставил колено, упёрся подошвой в перегородку и рванулся к двери.

Существо дёрнуло его обратно.

Фляга вылетела из пальцев. Вода растеклась по глине. Тирен попытался достать нож, но правая рука оказалась прижата к боку чужим телом. Оно весило меньше человека и всё же держало так, словно его привинтили к стене. От близости пахло раздавленной мокрой корой и старым мясом. Он ударил лбом в лицо; голова существа мотнулась, складки разошлись, и рядом с самым ухом прозвучало:

— Отойдите, я открою.

Его голос.

Он на мгновение перестал вырываться. Слова были произнесены ровно так, как он сказал их минуту назад: с раздражением, с торопливой заботой. Из тёмного рта звучал он сам, а рука на плече тем временем сдвинулась ниже, разрывая кожу.

Тирен втянул голову в плечи и всей тяжестью повалился вбок. Гнилая перегородка хрустнула. Они рухнули вместе, на лучину, на край бочки; у него вышибло дыхание. Левая рука освободилась. Он вытащил нож и ткнул туда, где должно было быть брюхо.

Лезвие вошло без привычного сопротивления. Существо не отпрянуло. Оно подтянуло ноги, скользнуло по нему выше, и его колено упёрлось Тирену в грудь. Кожа на животе собралась в глубокие складки; под нею не угадывалось ни рёбер, ни напряжения мышц. Движение было быстрым и обыденным, как у паука, перебиравшегося с одной щепки на другую. Он ударил ещё раз, уже в плечо. Нож застрял. Пришлось бросить рукоять и закрыть горло обеими руками.

Дверь была в двух шагах. У порога светлела полоска дневного света, и в ней плавали поднятые ими соринки. Через проём виднелись ноги кобылы у берёзы и часть натянутого повода. Она пятилась, дёргала головой; ремень перекрутился в старой петле и уже не скользил.

Существо прижало его к полу. Воздух выходил из груди короткими сипами. Тирен нащупал обломок бочечной клёпки и сунул поперёк разошедшегося рта. Дерево треснуло, но на миг давление ослабло. Он подтянул ноги и ударил обеими сразу.

Теперь силы хватило. Тело отлетело к перегородке, потянув за собой клочок его рукава. Тирен перекатился на живот, поднялся на локти. Нож торчал из тёмного плеча. Он потянулся за рукоятью, успел дёрнуть и получил по кисти так, что пальцы разжались сами. Всё же лезвие вышло и упало возле порога.

Он не помнил, как поднял его. Уже снаружи увидел нож у себя в руке и порез на большом пальце. Дом остался за спиной, слишком близко. Внутри снова заскребли.

— Углежоги забрали раненого.

Тирен бросился к кобыле. Та встала боком, прижала уши и шарахнулась от него, затянув перекрученный ремень ещё туже. Он налетел на неё слишком быстро, весь в чужом запахе, с

ножом в руке. Он пытался ухватить повод у берёзы, а пальцы соскальзывали; от плеча до локтя всё стало мокрым.

— Стой. Стой же ты.

Кобыла ударила передним копытом. Он едва отдёрнул ногу. Из дома донеслось глухое постукивание — не шаги, скорее костяшки по дереву. Тирен оглянулся. В щели двери показались длинные пальцы. Они двигались по порогу. Один палец нащупал щель между досками и задержался в ней. Тирену показалось, что существо собирается подтянуться наружу. Он не стал ждать, чтобы узнать.

Он перестал тянуть ремень. Подсунул лезвие под старую петлю, чиркнул по бересте, перехватил нож и резанул ещё раз. Волокна лопнули. Кобыла рванула. Повод обжёг ладонь, и Тирен побежал следом, не успев обернуться к мешку, который оставил у колоды.

На краю двора она поскользнулась. Задние ноги разъехались в глине, одеяло сдвинулось на бок. Тирен бросил нож в ножны кое-как, остриём разрезав край, и подхватил ремень на груди. Он не мог поднять лошадь и даже удержать её не мог. Только потянул в сторону сухой травы. Кобыла встала, ударила его головой в щёку и понеслась к дороге.

За спиной кто-то крикнул:

— Я от Харса!

Голос был громким, возмущённым, точно их пытались остановить по делу. Тирен чуть не повернул голову. Вместо этого отпустил ремень и побежал возле плеча кобылы. На несколько мгновений ему хватило скорости не отстать. Потом в груди что-то болезненно сжалось. Он споткнулся, повод натянулся, кобыла дёрнула его вперёд, и он едва не упал под ноги.

Она сама остановилась за поворотом, фыркая, дрожа всей шкурой. Тирен ухватился за тонкую рябину. Листья посыпались ему на голову. Он стоял, наклонившись, и пытался вдохнуть до конца, но воздух всякий раз обрывался в одном месте, под левыми рёбрами.

В лесу было тихо. Ничего не преследовало их по дороге. Это не значило, что можно было остаться.

Тирен повёл кобылу дальше. Правая рука висела тяжело, куртка прилипла к спине. Он держал повод левой, то и дело задевая коленом деревья: тропа расплывалась перед глазами. Вскоре начался подъём, и стало легче дышать. Или он просто перестал пытаться вдохнуть глубоко.

Только за длинной грядой валунов он решился остановиться.

Кобыла сразу опустила морду к траве, потом подняла: губы у неё дрожали. Тирен провёл ладонью по шее. Под пальцами билось горячее тело. Он хотел сказать что-нибудь, но рот пересох так, что язык прилипал к зубам.

Фляга осталась внутри. Мешок с хлебом и овсом — у колоды. Он посмотрел на одеяло, сползшее до колена лошади, на верёвку, на нож, торчавший из порезанных ножен. Монеты были на месте. Четыре. За них нельзя было купить ещё одно плечо.

Пока он бежал, боли почти не было. Теперь она разлилась по плечу, тяжёлая и горячая, и каждое движение отдавало под лопаткой. Куртку пришлось стягивать понемногу, сначала со здоровой руки, потом придерживая повреждённый рукав. Ткань отделялась от раны с влажным треском. На верхней части руки, переходя к спине, тянулись три неровные борозды. Две неглубокие, третья уходила назад, за плечо. Тирен попытался посмотреть через плечо и едва не потерял сознание. Пришлось сесть прямо на мох.

Он знал, как перевязывают порезы. Много раз держал чужую ладонь над корытом, стягивал разошедшуюся кожу чистой полосой, затягивал узел зубами. Сейчас чистой полосы не было. Нижний край рубахи оказался мокрым от росы и грязным от пола. Он нашёл у пояса участок, до которого не добралась грязь, вырезал полосу, сложил вчетверо и прижал к плечу. Рубахи, отданной Дерном, оставалось всё меньше. Утром Тирен ещё досадовал на рваный подол; теперь с трудом вспоминал, что именно было в этом досадного. Завязать одной рукой

не получилось. Тирен обмотал ткань вокруг руки, протащил свободный конец под мышкой и затянул зубами. От боли вспыхнули мелкие огни.

Кобыла шагнула ближе. Он выставил локоть, боясь, что она толкнёт, но та только понюхала его волосы и отвернулась.

— Спасибо, — сказал он хрипло. — Хоть не наступила.

Говорить оказалось полезно. Голос оставался его собственным, слабым, с дрожью. Он повторил несколько слов, не имеющих смысла, и прислушался. Из-за камней никто не ответил.

Полый. Название всплыло наконец, как заноза, которую долго не мог найти в ладони. На бойне старшие пугали мальчишек: не отвечай, если ночью мать зовёт из пустого сарая. Дерн однажды говорил, что видел такого в водяной яме, где зверь повторял стук ведра. Тирен тогда решил, что тот пьян. Он вообще мало верил рассказам, в которых люди заранее знали, куда нельзя ходить, и всё равно шли.

Теперь он сидел в мокром лесу без воды. Флягу он сам протянул в темноту. Нож достал только тогда, когда уже лежал на полу. Во всех тех рассказах между просьбой из пустого сарая и чужой рукой на горле находилось время подумать. У него этого времени тоже было достаточно — пока он шёл по двору, возился с пробкой, толкал дверь. Он потратил его на мысли о колодце.

За дверью не было разговора. Он вспомнил каждую фразу, стараясь удержать порядок. Сначала просьба, потом углежоги. Потом его собственное «отойдите». Существо не ответило ни на один вопрос. Тирен сам придумал больного, помощника, загнившую рану. Каждой вещи нашлось место в истории, которую ему хотелось увидеть: даже запаху падали, даже царапинам у ручки.

Но кто-то произнёс про углежогов прежде. Может быть, вчера. Может быть, неделю назад. Человек подошёл к дому, сказал другому, что раненого забрали, и ушёл. Или не ушёл. Тирен прижал ткань сильнее. Под повязкой снова стало тепло.

Обратно он не пойдёт. Ни за овсом, ни за флягой, ни за ящиком, даже если тот лежит под скамьёй в двух шагах от двери. Он попробовал представить, как объяснит это Харсу: был там, слышал голос, потерял мешок, вернулся ни с чем. Харс посмотрит на кобылу. Бренк отвяжет её и поведёт за навес. За восемь дней кормления, разумеется, добавит к долгу.

Тирен поднялся слишком резко. Лес качнулся. Он переждал, опираясь здоровой рукой о камень, потом поправил одеяло на кобыльей спине. Тугая верёвка давила на натёртое место, и он переложил её дальше назад. Для этого пришлось обойти лошадь дважды: правая рука не поднималась.

Углежогов можно было попробовать найти по дыму. На бойню привозили уголь; возчики пахли им сильнее, чем сами мешки. Один из возчиков как-то рассказывал, что хорошая угольная куча не горит открыто: дышит дымом через продухи, и за этим дыханием нужно следить день и ночь. Значит, если кучи ещё не выгребли, над лесом мог стоять дым. Пока нос различал только кровь, мокрую шерсть и землю. Тирен вытер лицо рукавом и пошёл вдоль склона, держась старого колёсного следа.

Через некоторое время дорога развоилась. Правая колея возвращалась вниз, к дому. Левая поднималась между молодыми берёзами. На краю её лежала кучка мелкого чёрного крошева. Тирен растёр кусочек пальцами. Под пылью оказалось дерево, лёгкое, с сохранившимися волокнами. Он выбрал левую.

Жажда делала всё остальное неважным. Даже плечо отступило. Он ловил ртом капли с листьев, пробовал сосать влажный край рукава и наконец услышал воду. Негромкое журчание шло снизу, из зарослей папоротника. Кобыла тоже повернула уши. Они спустились вместе, цепляясь за кусты.

Ручей был мелкий. Тирен опустился на колени выше места, где пила лошадь, и набрал воды в ладонь. Половина проливалась, прежде чем он успевал поднести её ко рту. Тогда он лёг на здоровый бок, опёрся левым локтем о камень и потянулся губами к струе. Холод ударил

в зубы. Он пил, пока не заболел живот, потом сидел на корточках, слушая, как вода капает с подбородка.

Рану надо было промыть. Он боялся развязывать повязку, но кровь уже перестала течь, а под тканью оставалась грязь. Снял куртку, осторожно стянул рубаху с одной руки. Над водой закружилась мошкара. Тирен плескал на плечо, кривясь, и смотрел, как розовые струйки исчезают между камнями. Кровь была его. От неё не становилось ни сытее, ни легче; только мутило.

На дне кармана нашлась половина луковицы. Он держал её некоторое время, потом засмеялся. Смех вышел короткий и неприятный. Весь запас на дорогу: луковица, четыре медных и лошадь, которой нельзя дать лук.

Он съел половину, остальное убрал. Кобыла обнюхала карман и с явным неодобрением фыркнула.

— Сам знаю, — сказал Тирен.

От ручья тропинка поднялась к старой вырубке. Здесь запах дыма появился наконец, слабый, вязкий. Тирен остановился и повернулся всем телом, как делала кобыла, когда ловила звук. Ветер шёл справа. Он свернул между пнями.

Скоро стало слышно топор. Четыре удара, пауза, ещё два. Потом кто-то выругался, заскрипело бревно, удары возобновились. Тирен прислушался. Теперь он уже не мог поверить одному голосу. Однако к звуку примешивался запах свежего дерева, удары приходились с разной силой, между ними человек тяжело дышал. Тирен поспешил и едва не угодил ногой в яму под корнями.

За последним рядом берёз лежала узкая вырубка. На пнях набухли охристые грибы; куча свежих поленьев светилась среди старой щепы. Мужчина возле колоды увидел сначала лошадь. Опустил топор, выпрямился. На нём была длинная рубаха, чёрная до колен, и рыжая шапка с проваленной макушкой.

— Ты откуда такую взял?

Тирен хотел спросить о раненом, но вместо слов получилось сипение. Мужчина посмотрел на его плечо, на повязку, потом перевёл взгляд за спину.

— За тобой кто-нибудь идёт?

Тирен покачал головой. Мужчина подождал, слушая лес. Топор держал внизу, однако рукоять перехватил обеими руками.

— У старого дома был? — спросил он.

— Голос... там.

— Ну да. Там. Дверь, значит, тронул.

В его тоне не было ни удивления, ни упрёка. Тирену стало от этого хуже: опасность была знакомой, обычной, а он всё сделал неправильно. Он выпрямился и сказал, раздельно, чтобы не потерять ни слова:

— Я ищу Ивена. Возчика. Брат послал. Углежоги забрали раненого.

Мужчина прищурился.

— Кто сказал?

Тирен оглянулся. Между стволами не было видно ни дома, ни дороги к нему. Только солнечные пятна лежали на вырубке, одинаково яркие на сухих ветках и на чёрной воде в ямах.

— Там сказали.

Мужчина ругнулся сквозь зубы, воткнул топор в колоду и подошёл. Взял у Тирена повод, не спрашивая. Кобыла потянулась к нему мордой.

— Дойдёшь?

— Дойду.

— До воды тоже все доходят. Потом из канавы тащи. Держись за ремень. Не за меня: у меня самого спина.

Тирен ухватился за свисающую верёвку. Мужчина пошёл медленно, то и дело оглядываясь на его ноги. За деревьями показался белёсый столб дыма, потом низкая крыша, крытая дёрном. Возле неё кто-то стирал в деревянном корыте. Стук выбиваемой ткани был таким домашним, что Тирен на мгновение перестал понимать, где находится.

— Лисса! — крикнул мужчина. — Ещё одного принёс. Этот сам открывал.

Женщина подняла голову. Посмотрела на кобылу и бросила мокрую тряпку обратно в корыто.

Глава 6

У двери Тирен остановился. Изнутри пахло больным человеком, кислой тканью, печной золой. После дома у колоды эти запахи сошлись в одно, и он не мог заставить себя переступить порог.

Женщина остановилась за его спиной. В руках у неё была мокрая тряпка; вода капала на ступеньку возле его сапога. Она проследила за его взглядом, потом потянулась мимо него и распахнула дверь до стены.

— Тут светлее будет. Заходи.

Теперь он видел стол, горшок у печи, красную заплату на чьём-то рукаве. Женщина вошла первой, нагнулась за тазом и оглянулась, ожидая его. Тирен разжал пальцы на косяке.

Он вошёл боком. Пол был деревянный, с широкими щелями. Под лавкой лежали две пары обуви, на стене сохла связка лука. У дальней стены, возле печи, кто-то спал, укрытый до подбородка. Из-под одеяла торчала нога в толстой повязке. Тирен смотрел на неё, пока женщина не повернула его к свету.

Она велела снять рубаху. Тирен поспешно кивнул: чужие руки возле раны пугали его почти так же, как боль. Он хотел управиться сам, пока мог решить, когда остановиться.

Она поставила на табурет таз и пошла за водой. Мужчина в рыжей шапке остался с кобылой снаружи. Слышно было, как он говорит ей: «Ну, узнала? А по тебе не скажешь». Кобыла переступила возле стены, звякнула пряжкой.

Тирен стащил рукав со здоровой руки. Второй не поддавался. Он потянул сильнее и замер, зажмурившись. Женщина вернулась, взяла нож и без разговоров разрезала ткань от воротника. Тирен открыл рот, но она уже отложила нож.

— Зашью. Целиком с тебя не снимешь, опять кровь пойдёт.

В тазу была тёплая вода. Женщина подставила его под руку, и с локтя побежали тонкие грязные струйки. Тирен смотрел, как на дне расходится розовое облачко. Здесь его кровь не пропадала в лесной земле: оставалась на чужой ткани, на чьих-то пальцах, в посуде, которую потом придётся мыть. От этого хотелось извиниться, хотя он понимал, как глупо это прозвучит. Женщина смывала грязь небольшим лоскутом, меняя его сторону после каждого движения. Когда дошла до глубокой борозды, Тирен упёрся ногами в пол.

— Потерпи. Земля осталась.

Он упёрся пятками сильнее. Лоскут задержался в ране, и плечо обожгло так, что Тирен перестал видеть край таза. Женщина ждала, положив ладонь ему на здоровую лопатку. Только когда он снова задышал, принялась смывать дальше.

На лавке у печи зашевелились.

— Кто там, Лисса?

Тирен вскинул голову. Голос был хриплым, слабым, совсем не похожим на тот, что просил воды. У него перехватило горло от облегчения: он только теперь понял, как боялся услышать одинаковые звуки.

— Парень. С твоей лошадью.

Одеяло сползло. Человек на лавке попытался сесть, охнул и ухватился за край печи. Лицо у него было длиннее, чем у Харса, борода темнее. Под глазами лежали густые тени. Но брови сходились к переносице точно так же, и, откинув одеяло, он потёр подбородок знакомым движением. Тирен видел, как Харс делал это над счётной дощечкой. Родство проступило в мелочи, прежде чем он успел спросить имя.

— С Руной?

Тирен молчал, не зная, к нему ли обращаются.

— Рыжая? На лбу как раздавленный мел. Левое ухо с краю надрезано?

— Она, — сказал Тирен.

Ивен закрыл глаза. Одной рукой продолжал держаться за печь, другая лежала на животе, смяв одеяло. Он долго ничего не говорил. Лисса наклонилась к ране и промокнула воду; Тирен услышал, как мужчина втянул воздух сквозь зубы.

— Живая дурища, — сказал Ивен. — Всё-таки дошла.

— До бойни дошла, — ответил Тирен.

Слова вылетели раньше, чем он успел решить, стоит ли. Ивен открыл глаза. Лисса нажала на плечо чуть сильнее.

— Про это после. У меня тут кровь.

Она наложила чистую ткань, пахнущую дымом, и закрепила её полосами полотна через грудь и под мышкой. Велела держать локоть ближе к боку. Тирен хотел узнать, сколько будет должен, но она уже поставила перед ним миску каши.

— Ешь. Затем расскажешь, зачем полез.

Каша была жидкая, с репой. Он ел, обжигая язык, стараясь не смотреть на Ивена. Тот всё равно заставил себя сесть. Когда снаружи послышалось фырканье, он подвинулся к краю лавки.

Лисса обернулась на скрип лавки.

— Ногу вниз не спускай. Опять распухнет.

— Мне бы увидеть её.

Ивен говорил тихо, однако пальцы уже вцепились в край лавки. Каша остывала у него на коленях. Тирен понял, что тот всё равно попытается встать, стоит им отвернуться.

Тирен поставил миску.

— Я подведу.

Он поднялся раньше, чем женщина успела возразить. Мужчина с вырубки привязал кобылу возле навеса, где стоял воз с пустыми корзинами. Кобыла жевала сено. Тирен взял повод и тихо произнёс её имя.

— Руна.

Она продолжала жевать. Он повторил. Тогда ухо повернулось к нему, а губы подхватили следующую соломинку. В спутанной гриве застрял сухой лист; за ночь тот свернулся в трубочку, и теперь лошадь носила его с таким же равнодушием, с каким слушала новое для Тирена слово. Никакого особенного узнавания не случилось. Тирен почему-то думал, что имя изменит всё сразу. Теперь стало неловко, словно подглядел чужую привычку.

Он подвёл её к открытой двери. Ивен согнулся, опираясь локтями на колени.

— Руна, — позвал он.

Кобыла подняла голову так резко, что повод натянулся. Потянулась в проём, стукнулась лбом о притолоку и сердито мотнула гривой. Ивен засмеялся, коротко, со стоном, и протянул руку. Она достала его пальцы губами, задержала морду возле запястья. Тирен ослабил повод. Из комнаты тянуло кашей и больной ногой, с кобыльей шеи — дождём и сеном; Ивен гладил её, не замечая ни сквозняка, ни того, что одеяло сползло на пол.

Тирен стоял сбоку. Всё, что он делал последние дни — выводил на мост, поправлял верёвку, выбирал траву, — вдруг показалось временным. Лошадь знала этого человека. Он знал её имя. Тирен знал только, сколько за неё собирались получить.

— Хорошо дошла? — спросил Ивен.

— Натёртая. В копыте камень был.

— Левое переднее?

Тирен кивнул.

— Любит собирать. Как увидит новый, сразу примеряет.

Ивен погладил широкую переносицу. За его пальцами тянулись прилипшие рыжие волоски. Лисса принесла ему хлеб, и пришлось отвести Руну: кобыла решила, что еду вынесли для неё.

Мужчину в рыжей шапке звали Корд. Он жёг уголь со старшим сыном, который в эти дни отвозил груз к кузнецам. Лисса приходилась ему женой, а маленький дом с пристройкой был зимним жильём: летом они спали ближе к курным кучам. Об этом Тирен узнал за столом. Корд ел медленно, прислушиваясь к ветру за стеной. Иногда отставлял миску и выходил; через минуту возвращался, впустив облачко сырого дыма. Угольные кучи нельзя было оставить без присмотра даже ради еды. У ног его лежала короткая лопата с обожжённым краем.

В доме всё принадлежало работе. Над печью сушились рукавицы, на подоконнике стоял горшок со смолой, под столом темнела стопка мешков. Даже одеяло Ивена оказалось прожжено в нескольких местах. Тирен сел осторожно, стараясь не занять больше места, чем ему отвели. Он ещё не знал, за что здесь придётся платить и чем, кроме четырёх медных, сможет расплатиться.

Историю Ивена пришлось собирать частями. Он начинал говорить, уставал, замолкал, потом вдруг возвращался к пропущенному. Вёз ящик в Вельт. У старой развилки повредилась скоба, державшая оглоблю; до двора добрался шагом, опасаясь, что при спуске повозка навалится на кобылу. Думал найти человека с инструментом. Крышу от дороги было видно, над входом держался навес; двор показался жилым. Прежде чем идти просить помощи, он спрятал груз.

— Я сперва груз убрал, — сказал он. — Пока чинить буду, мало ли кто увидит. Там у дороги, до двора, старый погреб от сушильни. От самой сушильни одни кирпичи. В погребе сухой угол, повыше воды. Ящик в рогожу завернул, в нишу положил. Плоским камнем закрыл. Думал, на полчаса.

Он умолк, глядя на свой большой палец. Ноготь на нём был треснут до мяса. Тирен представлял, как возчик сносит ящик в темноту, поправляет рогожу, подбирает камень потяжелее. На всё это у Ивена нашлись силы и время; никто его ещё не торопил, он мог вернуться к повозке и уехать.

— А когда вышли из погреба?

— Услышал. Из дома ребёнок плакал. Я не сразу понял... — Ивен провёл ладонью по бороде. — Оно за ногой ухватилось. Упал на ступеньку, дальше не помню. Помню, что Руна дёргала. Повод у меня за поясом был, чтобы не отошла, пока гляну. Может, так и вытянула. Может, сам вылез. Ногу до сих пор толком не чувствую.

— Мы у ручья нашли, — сказал Корд. — Под кустом. Лошадь над ним стоит, один оглобельный конец болтается. Рядом трава вся чёрная. Подумал сперва, медведь.

Корд говорил о нём без всякой торжественности, как о тяжёлом бревне, которое пришлось тащить вдвоём. Лисса, проходя за его спиной, положила ладонь себе на поясницу. Тирен вдруг увидел, чего стоило это «нашли»: спуск к ручью, чужой вес на мокром склоне, кровь, промочившую рукава. Ни у Корда, ни у Лиссы не было свободных рук, когда они наткнулись на возчика. Они освободили их сами.

Лошадь они тоже привели сюда. Корд кивнул в сторону навеса.

— Он от жара кричал, она по ночам места не находила. На четвёртую ночь оторвалась. Верёвку перетёрла о угол. Я утром глянул — только след. Искать не пошёл: он тогда как раз перестал пить. Не до лошади было.

Тирен слушал, пересчитывая про себя дни. Не всё сходилось точно, но сходилось достаточно. Руна ушла домой, нашла знакомый двор. Харс решил, что брат мёртв. По натёртой коже и сломанной упряжи он сумел узнать только то, что случилась беда. Тирен сердился на него у бойни; сейчас, слушая Ивена, пытался представить, как Харс ждал брата, прежде чем решил, что ждать больше некого.

— Харс колесо не продал? — спросил Ивен.

— Не знаю.

— Продал, небось. Хорошие были колёса. Я два года откладывал.

В голосе его оказалось столько обыкновенного раздражения, что Тирен впервые поверил до конца: нашёл. Не весть, не тело под кустом. Человека, который будет ругаться с братом из-за проданных колёс.

Он рассказал про договор. Старался говорить точно: двенадцать за ящик, восемь за Руну, две за отсутствие, две ему. И ещё шесть, если вернётся живой Ивен. На словах «за Руну» запнулся, но Ивен только кивнул.

— Харс продал, значит.

Ивен посмотрел на открытую дверь. Во дворе Руна грызла жердь, и в тишине хорошо слышалось, как скрипит дерево под зубами.

— Думал, меня нет, — сказал он наконец. — Ладно. Выкупай, раз сговорились. Мне пока нечего на неё грузить.

— Ящик ещё надо найти.

— Найдёшь. Я покажу, где. Не ногами покажу, расскажу.

Корд отложил ложку.

— Сегодня ты никуда не пойдёшь.

Тирен выпрямился.

— У меня восемь дней.

— Три уже потратил, ещё пять осталось. Пойдёшь сейчас — ещё одного принесём. А у меня лавки кончились.

— Я могу работать.

— Так и будешь. С утра. Если жена разрешит.

Лисса посмотрела на него поверх пустой миски.

— Воду носить можно. По полведра. Захочешь больше — сам себе потом плечо зашивай.

Лисса сказала Корду, сколько осталось муки; тот дослушал молча и велел утром поставить Тирена к малой куче, где самому приходилось бегать лишний раз. В голосах не было ни ссоры, ни жалости. Они решали, как прожить следующие сутки с ещё одним человеком под крышей. Тирен хотел сказать, что платить не отказывается. Но четыре медных потребовались бы на обратную дорогу, а работа была понятнее долга. Он кивнул и вдруг обнаружил, что засыпает сидя. Ложка выпала из пальцев. Лисса подобрала её, не сказав ни слова.

Ему постелили на мешках возле стены. Сон не принёс покоя: каждый раз, когда в доме скрипела дверь, Тирен просыпался и ощупывал нож. Один раз Ивен попросил воды. Тирен сел так резко, что ударился затылком о доску. Возчик смотрел на него с лавки, терпеливо, с жалостью, от которой хотелось отвернуться.

— Из ковша, — сказал он. — Вон он, возле печи.

Тирен принёс. Держал край, пока Ивен пил, и смотрел на его пальцы: обычные, толстые, с поломанными ногтями. Потом лёг обратно, спрятав здоровую руку под щёку.

К вечеру он уже не мог лежать. Плечо ныло меньше, зато по всему телу расползалась тяжесть. Мир снова терял резкость. В доме топили, а Тирен мёрз; каша стояла в животе плотным холодным комком. Он съел хлеб, который дала Лисса, потом ещё попросил. Она отрезала без вопроса. Лучше не стало.

Третий день без крови. На бойне он никогда не считал, сколько может протянуть: там кровь была всегда, даже когда еды не было. Отправляясь, он выпил вдоволь и решил, что дальше найдёт какую-нибудь бойню или двор, где режут птицу. Хлеб и овёс купил сразу; остальное отложил до дороги. Теперь ближайшим двором оказался дом углежога, а ему предстояло объяснить незнакомым людям то, о чём даже Дерну он старался не говорить. Казалось, стоит уйти от Бренка, и то, ради чего приходилось оставаться, уйдёт тоже.

Снаружи Корд колол поленья для очага. Тирен вышел, сел на низкий пень и долго смотрел на светлые сколы. Каждый удар отдавался в зубах.

— Болит? — спросил Корд.

— Нет.

— Тогда чего такой?

Тирен поковырял носком землю.

— Вы здесь скот держите?

— Держали бы, если б кто держал нас. Куры есть. Коза была, продали весной.

— А режете... иногда?

Корд поставил новое полено, придержал за сучок.

— Петуха собирались. Дерётся. Жена велела после сына, чтобы всем досталось. Тебе мяса надо?

Тирен стиснул ладонь между коленями.

— Крови.

Топор остался в воздухе. Корд медленно опустил его на колоду.

— Зачем?

— Пью. Когда слабею. Я с бойни. Там всегда... — Он замолчал, злясь на себя за сбивчивую речь. — За работу возьму, если всё равно резать. Самого петуха не надо. И лишнего не надо резать.

Корд посмотрел на его плечо, потом в лицо. Отставил полено с колоды, хотя до этого собирался расколоть его. Тирен приготовился ко всему знакомому: отвращению, смешку, предложению лизать колоду вместе с собаками. Но углежог только почесал висок.

— Печёнку некоторым сырой велят. Мой отец ел. Толку, правда, немного было.

— Мне помогает.

— У Лиссы спроси. Куры её. И чтоб Ивен не видел. Ему и без того от еды мутит.

Спросить второй раз оказалось хуже. Лисса сидела на пороге и сшивала его рубаху. Тирен смотрел на иглу и говорил, будто просил вернуть украденное. Она дослушала, прикусила нитку.

— Живот не заболит?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Не в первый раз.

Лисса посмотрела на него дольше, чем хотелось. Потом сложила рубаху швом наружу и велела утром принести воды ещё и для стирки. Тирен кивнул раньше, чем она договорила.

— Только утром, — добавила она. — Сейчас мне возле бочки не падай.

Она позвала мужа. Петуха загнали в угол за навесом. Он прыгнул на перекладину, ударился крылом о столб и соскользнул в руки Корда. Тирен помог удержать птицу: здоровой рукой прижал крылья к боку, пока углежог перехватывал лапы. От толчков отзывалось раненое плечо. Птица была тёплая, сердитая; жёлтый глаз смотрел на него без понимания. Тирен смотрел в этот глаз и думал о том, что сын Корда ещё не вернулся. Утром птица ходила по двору, и день её смерти был назначен на другое время. Теперь её держали над чашкой из-за него. Он попросил Корда не медлить. Тот коротко кивнул.

Всё кончилось быстро. Тирен собрал кровь в небольшую глиняную чашку, которую Лисса принесла сама. Её было немного, меньше, чем он привык получать на бойне. Он отошёл к стене, прикрыв чашку ладонью. Выпил, стараясь не спешить. На дне осталось несколько тёмных сгустков, и он провёл по ним пальцем прежде, чем успел остановиться.

Потом долго мыл чашку у бочки. Глина в трещинке возле края оставалась тёмной, сколько он ни тёр большим пальцем. Лисса забрала посуду сама, ополоснула и поставила вверх дном на полку. Она не сказала, что всё чисто, но и не отставила чашку отдельно от остальных.

Никто за ним не наблюдал. Корд ощипывал петуха над мешком, Лисса ставила воду греться. Внутри дома кашлял Ивен. Тирен слышал его дыхание, отдельные капли с края умы-

вальника, шорох птичьих перьев под рукой Корда. Мир придвигался обратно. Стыд остался, но тяжесть в ногах начала уходить.

Ночью у Ивена сползла повязка. Тирен проснулся от шороха и помог приподнять ногу. Лисса зажгла лучину. Край раны открылся, выступила кровь. Пахло жаром, мокрой кожей, человеком, которому было больно. Запах добрался до него прежде, чем на ткани проступило красное. Тирен перестал слышать, что говорит Лисса. В горле стало тесно; рот наполнился слюной, и он сглотнул, отвернувшись к стене. Петушиная кровь согрела его, вернула ясность, но эта капля на чужой коже обещала что-то ещё. Он не знал, откуда в нём такая уверенность, и от этого было страшнее.

— Полотно подай. То, на столе.

Он взял лоскут, стараясь коснуться только сухого края. Ивен лежал с закрытыми глазами, прикусив губу, а Лисса поддерживала ему пятку. Тирен поставил свет ближе к её рукам и принял у неё ногу. Под ладонью дрожала живая тяжесть. Он смотрел на пятку, на грязь в складке кожи, на след от слишком тугой повязки — на всё, что помогало видеть человека.

Когда Лисса закончила, он вышел во двор. Постоял у бочки, пока холод не добрался под рубаху. Руна шевельнулась под навесом; Тирен прислушался к её дыханию и вернулся только тогда, когда снова мог спокойно сглотнуть.

Утром, в четвёртый день пути, Корд дал ему короткую лопату и показал курную кучу. Из-под дёрна сочился дым, тёплый, едкий. В одном месте земля осела и открылась узкая рыжая щель.

— Увидишь пламя — засыпай. Дым нужен, огонь наружу не пускай. И на верх не лезь, провалишься.

Вблизи куча оказалась выше его головы. Под тонким слоем земли тлело столько дерева, что тепло чувствовалось через подошвы; дым стлался вдоль склона, и всякий порыв ветра менял его густоту. Корд обходил кучу, пригибался к продухам и поправлял их концом палки. Иногда ждал, ничего не трогая. Тирен быстро понял, что сам этого ожидания не выдержал бы: ему всё время хотелось либо открыть отверстие шире, либо заткнуть совсем.

Пока ему поручили только носить землю и закрывать трещины. Работа была нетрудная, пока Тирен не решил сделать её быстрее. Он зачерпнул полный совок земли, поднял и тут же уронил. Плечо ответило острой болью. Корд ничего не сказал, только отодвинул к нему небольшую деревянную лопатку.

Тирен сперва злился на неё. Детская вещь, годная разве что разгребать золу. Но у земли был вес, а у больной руки предел, который не менялся от стыда. Он начал набирать понемногу. К полудню кучка возле его ног заметно убыла, и на маленькую лопатку он больше не смотрел. Между кучами носил воду, перебирал уголь, выбирая недогоревшие сучья. Ладони стали чёрными так глубоко, что вода уже не помогала.

Лисса проверила плечо на закате. Тирен заранее отвернулся, но она только удивлённо хмыкнула.

— Чисто. Повезло тебе.

Он хотел прижать ткань обратно сам.

— Я перевяжу.

— Правой рукой левое плечо перевязал бы. Тут не хитри, всё равно вижу.

Она закрыла рану, закрепив свежий лоскут широкой полосой. Тирен выдохнул. Края уже стягивались, но под засохшей кровью это было не слишком заметно. Он попросил не менять ткань до утра, чтобы лишний раз не тревожить. Лисса согласилась.

После ужина Ивен попросился на воздух. Корд с Тиреном подхватили его под локти и помогли добраться до порога; больную ногу уложили на чурбак, накрытый мешком. Возчик долго сидел, щурясь на низкое солнце. Лисса принесла ему одеяло и молча положила на колени.

Потом Ивен попросил палку. На утоптанной земле перед порогом он начертил дорогу, развилку, длинный овал, означавший пожарище. Тирен присел рядом. От перенесённого за день угля ногти почернели, и палец оставлял на рисунке тёмный след.

— Ты вот здесь ходил. В дом. А тебе раньше свернуть. Здесь три берёзы одним корнем. Сушильня за ними, шагов сорок. От неё стена по колено. Погреб под стеной, вход с другой стороны, от ручья. Камень сверху с полоской. Увидишь.

— Весь ящик в нише?

— Ящик маленький. Рогожу не сорви, там бумаги. Замок не трогай. Не для любопытных он.

Тирен прошёл пальцем весь путь: от угольных куч к ручью, мимо вырубки, до трёх берёз. Ему хотелось запомнить дорогу так, чтобы завтра не пришлось подходить к дому даже на расстояние голоса. Уже собирался встать, когда заметил, как Ивен провёл поперечную черту поверх трёх коротких следов от травы.

Тирен задержал его руку.

— Подождите.

Рядом с дорогой он начертил три короткие черты под одной длинной. У крайней загнул конец.

— Это на вашей оглобле. Кто ставил?

Ивен посмотрел и перестал тереть больное колено.

— Не я. Повозку покупал с этим знаком. Давно.

— Где?

— В Вельте. Погребальный дом распродавал старое. Не пугайся: на моей доски возили. Гробы на других.

Тирен почти не услышал про гробы. Он ждал, что Ивен скажет: плотник вырезал для счёта, старый хозяин метил дерево, ничего особенного. Вместо этого у знака оказалось место, куда можно было прийти. Всё вокруг стало необыкновенно ясным: серая земля под ногтем, щербина на Ивеновой палке, жук, обходящий нарисованную черту.

— Это их знак?

— Был. И сейчас, наверное, есть. Откуда знаешь?

— Видел где-то.

— На оглобле и видел.

— До этого.

Ивен повернул голову. Тирен продолжал смотреть в землю, пока тот не отвёл взгляд.

— Погребальный дом за стеной, с речной стороны. Тебе зачем?

Тирен пожал здоровым плечом. Объяснить маленькую руку, чужую высоту и мгновенную уверенность, что рядом стоял кто-то свой, он не мог. Скажет — придётся отвечать ещё. У него не было ответов.

Ивен потёр палкой землю, исправляя край погреба.

— Там Орвен смотрителем. Если жив ещё. Старый уже был, когда я покупал, но ходил крепко. Он людей помнит. Я приезжал года через три, так он спросил, не скрипит ли левое колесо. Представляешь? Людей, может, и путает, а колесо запомнил.

— Орвен, — повторил Тирен.

— Угу. Только до Вельта не ближний край. Ты сначала брату скажи, где я лежу. Пусть повозку одолжит. Мне пешком ещё долго не уйти.

Тирен кивнул. Корд принёс из сарая пустой мешок, пахнущий углём, и старую деревянную флягу с трещиной у горлышка. Трещина была залита смолой.

— До дома хватит, — сказал он. — Возвратишь с Харсом.

— Я отработаю.

— Ты уже отработал. А флягу возвратишь.

Тирен взял её обеими руками. Смола у горлышка пахла нагретой сосной. Он повернул флягу трещиной вверх, чтобы не вытекла вода, потом вспомнил, что она ещё пустая.

До завтрашнего утра оставалось несколько часов сна. Потом — погреб, ящик, дорога обратно, Харс с его счётной дощечкой и Бренк, который наверняка пересчитает дни по-своему. Всё это никуда не исчезло. Но за обратной дорогой теперь было ещё одно место: дом у городской стены, с речной стороны. Тирен повторял про себя имя смотрителя, пока Корд поправлял ремешок на фляге. Орвен. Оно ничего не вызывало в памяти. Его можно было просто запомнить. Из дома Лисса вынесла хлеб на завтра и велела завернуть в чистую сторону мешка. Руна стояла возле навеса, вытянув заднюю ногу; на её крупе лежал последний солнечный свет. Тирен подошёл, поправил прядь гривы под ремнём.

— Руна, — сказал он негромко.

Кобыла повернула ухо. На этот раз ему оказалось достаточно.

Глава 7

Палка за ночь размокла и стала тяжёлой. Тирен поднял её возле порога, там, где вчера оставил Ивен, и ещё раз провёл концом по рисунку. От дороги сохранилась неглубокая канавка; погреб затоптали, когда помогали возчику вернуться в дом. Три берёзы уцелели. Он обошёл их носком сапога и отложил палку к стене.

В доме уже двигалась Лисса. Через открытую дверь было видно, как она снимает с жерди рубаху, высохшую за ночь над печью. От ткани шёл дымный запах. В правом рукаве белели свежие стежки, неровные и частые; прежнего подола почти не осталось. Тирен надел рубаху осторожно. Плечо ещё тянуло при движении, но под повязкой уже чесалось, и ему приходилось удерживаться, чтобы не трогать рану.

Лисса заметила, как он поднял руку.

— Не проверяй без конца. Затянется — узнаешь.

Он опустил локоть. На лавке у печи лежал Ивен, повернув лицо к стене. Тирен подумал, что тот спит, однако возчик заговорил, едва он потянулся за мешком:

— Камень с белой жилкой. Если сверху вода, не лезь под него сразу. Сначала посмотри, на чём держится.

— Посмотрю.

— И брату скажи: пусть одеяло возьмёт потолще. На соломе не довезёт, растрясёт всё.

Тирен повторил про одеяло. Он запоминал поручения по порядку, добавляя к каждому вещь, которую мог увидеть: светлая жилка на камне, жёлтая доска у Харсовой двери, сложенное на повозке одеяло. Слово «Орвен» держал отдельно. Боялся, что оно затеряется среди того, что требовалось сделать прежде.

Во дворе Корд затягивал на Руне ремень. Подложил под него свёрнутый мешок и оставил сбоку свободную петлю для ящика. Кобыла вытянула шею, пытаясь достать губами холст у него в руке.

— Не больше того, что обещано, — сказал углежог. — Ящик малый. Найдёшь ещё какой — оставь.

Тирен хотел ответить, что он не за чужим добром идёт, но вовремя заметил улыбку в его бороде.

До развилки Корд проводил их сам. Он нёс лопату и время от времени сворачивал, проверяя дым между деревьями. Лес за домом просыпался медленно: с еловых лап сыпались капли, на вырубке голубела тонкая корка льда. Тирен наступил на край лужи. Лёд хрустнул, и от этого маленького сухого звука неприятно свело живот.

Корд остановился у последней угольной кучи.

— Там теперь не слушай, — сказал он.

Тирен посмотрел на него.

— Всё услышанное оттуда нести с собой необязательно. Дорогу знаешь. По ней и иди.

Углежог повернулся к дыму, а Тирен повёл Руну вниз. Некоторое время за спиной ещё шуршала земля под лопатой. Потом склон заслонил кучу, и осталось слышно только лошадь.

Он узнал ручей по большому камню, на который опирался, когда пил. Теперь вода казалась совсем мелкой; трудно было поверить, что тогда он едва дотянулся до неё. На ольховой ветке висела нитка от его рубахи. Тирен заметил её и прошёл мимо, не снимая. Ветер шевелил тонкий серый конец.

К трём берёзам подошли с лесной стороны. Стволы расходились от одного бугра, будто дерево давно раскололи, а оно продолжило расти порознь. За ними белел мох на обломках кирпича. Тирен привязал Руну к дальней берёзе, там, откуда она не видела двора, и проверил

узел. На этот раз сделал петлю поверх ремня, оставив длинный свободный конец. Потянул. Узел распустился. Завязал снова.

От дома донёсся стук.

Он застыл, держа конец верёвки в пальцах. Два коротких удара, пауза, ещё один. Можно было подумать, что кто-то сбивает грязь с сапог о ступеньку. Между ветвями виднелся кусок низкой крыши; на сером скате лежали мокрые листья. Дым не поднимался. Двери отсюда не было видно.

Тирен заставил себя отвернуться.

Сушильня почти сравнялась с землёй. На месте стен росла крапива, стебли поникли от ночного холода. Кирпичи под ногами крошились, оставляя на подошвах красную пыль. Он обошёл развалины справа и едва не прошёл мимо входа: тот находился ниже уровня земли, за корнями вывернутого куста. В тёмном провале блестела вода.

Сперва Тирен поискал палку. Подходящая нашлась не сразу; две сломались у него в руках, третья оказалась слишком короткой. Пока он возился, у дома снова застучали. На этот раз звук походил на работу топора, но ни один удар не кончался хрустом расколотого дерева.

Тирен сунул палку в воду. Дно было близко. Под илом нашлась ступенька, потом следующая, целая с краю. Он поставил на неё ногу и пригнулся под остатком перемычки.

Холодная вода тотчас просочилась в сапог. Он остановился, пережидая первый приступ злости: только вчера просушил обувь. Затем ощупал рукой стену. Из шва сыпался песок, на пальцах оставалась скользкая плёнка. В глубине погреба что-то шевельнулось.

Тирен попятился так резко, что ударился затылком о кирпич. Вынул нож, не понимая ещё, куда направить лезвие. Из-под воды вынырнула крыса. Она проплыла вдоль стены, цепляясь за камни, вскарабкалась на сухой выступ и исчезла в дыре у самого свода. Вода расходилась от неё широкими, медленными кругами.

Он стоял, тяжело дыша, с нелепо поднятым ножом. Потом опустил руку. Затылок саднило. В погребе пахло мокрым кирпичом, мышиным помётом и прелыми стеблями; запаха, который встретил его в сенях, не было. Тирен прислушался ещё раз и убрал нож, оставив рукоять под ладонью.

Ниша находилась у дальней стены, выше воды. Перед ней лежала плоская плита, пересечённая белой жилкой. За край плиты зацепился клочок рогожи. Он был почти сухой.

Тирен подёргал камень. Тот не сдвинулся. Попробовал взяться обеими руками — плечо сразу напомнило о себе. Он опустил руку, выругался вполголоса и посмотрел, что держит плиту. Снизу её подпирал обломок кирпича, втиснутый между двумя камнями. Если выдернуть, вся тяжесть ляжет на ящик.

Пришлось вернуться к ступеням за палкой. Дерево прогнулось, когда он завёл конец под плиту. Тирен нажал коленом, понемногу, следя за щелью. Камень приподнялся. Он подсунул под него другой обломок, затем ещё один. Отпустил палку. Подпорка выдержала.

В этот момент снаружи сказали:

— Я от Харса.

Тирен перестал дышать. Голос дошёл приглушённым, будто говоривший стоял не у дома, а за стеной погреба. Позавчера он слышал его, когда бежал; теперь узнал даже короткий вдох перед первым словом.

Это говорил он сам.

Руна наверху фыркнула. Затем послышался удар копыта, шорох натянувшейся верёвки. Тирен посмотрел на вход. Полоска света оставалась пустой. Он вспомнил Корда, пригнувшегося над дымом, и заставил себя снова взяться за рогожу.

Свёрток не поддавался. Зацепился задним углом. Он потянул сильнее и услышал, как где-то наверху осыпается песок. Плита чуть повернулась на подпорке. Тирен отпустил ткань.

Несколько мгновений он просто смотрел на собственные пальцы. Потом просунул руку в щель сбоку, нащупал железную оковку и осторожно повернул ящик. Здоровым плечом упёрся в стену. Теперь груз вышел легко, с сухим шорохом. Подпорка выпала уже после того, как он прижал свёрток к груди. Камень опустился в воду, обдав его до пояса.

Тирен выбрался на свет, не оглядываясь в погреб. У берёзы Руна переступала на одном месте, повод натянулся. Он подошёл к ней, положил ящик на землю и некоторое время гладил мокрую переносицу, хотя успокоиться нужно было ему самому.

Из дома донеслось:

— Воды бы.

Теперь просьба не казалась слабой. В ней не было ни нарастающей боли, ни нетерпения, ни перемены дыхания. Она прозвучала точно так же, как в первый раз. Тирен почувствовал, что узнаёт в ней даже ту паузу, в которую сам когда-то вставил надежду.

Он не ответил.

Рогожа развернулась туго. Внутри лежал дубовый ящик, длиной немногим больше его предплечья, с железом на углах. Замок почернел, но держался целым. На крышке под слоем грязи виднелись три короткие черты. Тирен смахнул грязь рукавом и нашёл загиб на крайней.

На мгновение захотелось вытащить нож и поддеть крышку. Бумаги могли рассказать то, чего не знал Ивен. Они принадлежали дому с этой меткой, ехали в город, название которого теперь жило у него в голове. Он провёл ногтем по краю крышки. Древесина плотно прилегала к пазу; открыть незаметно не получилось бы.

Руна толкнула его плечом. Тирен поморщился, отдёрнул руку и завернул ящик обратно. За целый замок ему отдавали лошадь. Имя смотрителя у него уже было.

Он приладил груз к подготовленной петле. Вес лёг неровно, потянул одеяло набок; пришлось снять всё и привязать ниже, ближе к середине спины, оставив натёртое место свободным. На ремне сохранилась метка от пальцев Корда. Тирен затянул до неё, проверил ладонью и повёл Руну прочь.

У края развалин задержался. Между деревьями было видно колоду и его мешок под маленьким навесом. Мешок лежал там же, где он его оставил. До него — несколько десятков шагов, ни одной стены на пути. Хлеб наверняка отсырел, но овёс можно было просушить. В мешке оставалась и деревянная фляга Дерна. Свою, кожаную, Тирен потерял внутри дома; эту он убрал к припасам, когда она опустела.

Он сделал шаг в сторону двора.

Руна не пошла. Встала, вытянув шею, и посмотрела за его плечо. Тирен обернулся. Из-за берёз уже почти не виднелся погреб, только тёмная вода у входа. Дорога уходила в другую сторону.

Он постоял, держась за повод. Затем вернулся на тропу. Флягу Дерну придётся купить новую.

До полудня он всё время прислушивался к звукам за спиной. Однажды показалось, что его окликнули по имени. Он остановился и ждал, пока лес не повторит. Над вершинами прошла стая птиц; в сухом кусте зашевелился ветер. Тирен повернул голову к Руне. Та жевала сорванную на ходу ветку. Его имени в том доме никто не произносил.

Ближе к вечеру страх начал отпускать. Пришла усталость, простая и тяжёлая. Мокрые сапоги натёрли ступни. Ящик то и дело сползал, и Тирен уже не считал, сколько раз остановился поправить ремень. На одной из таких остановок Руна терпеливо ждала, пока он распутает узел, а потом повернулась и почесала губами бок возле его локтя. Он не отодвинулся.

Ночевали под елью, на том самом месте, где на обратном склоне сохранился его старое кострище. Тирен узнал обгорелую ветку и обрадовался ей, будто встретил человека. Земля под хвоей была сухой. Он развёл огонь, поставил сапоги на палки и разломил хлеб, который

дала Лисса. Часть съел сразу, часть завернул. Руна долго выбирала траву вокруг стоянки; ящик лежал у Тирена под боком, укрытый полой куртки.

Замок упирался в ребро. Он передвинул ящик, затем вернул обратно: так проснётся, если кто-нибудь потянет. Засыпая, услышал тихий скрип дерева. Рука сама нашла нож. Но это Руна тёрлась о ствол, и от её тяжести поскрипывала нижняя ветка.

На следующий день они вышли к мельнице. У настила было людно: на дальнем берегу разбирали телегу, по одной переносили доски и складывали на траве. Человек, который прежде чистил репу, теперь держал у груди свёрток с едой. Он посмотрел на Тирена, потом на ящик.

— Нашёл, стало быть.

— Нашёл.

— Две медных.

Тирен заранее держал их в кулаке. Отдал, стараясь не показывать, как не хочется разжимать пальцы. В кошеле остались две монеты, одна из них старая. Руна прошла настил почти без остановок. Только на середине опустила голову и понюхала доски; Тирен подождал, не дёргая повода. На берегу он дал ей маленький кусок хлеба.

К старому броду они спустились уже после полудня. Человек в жёлтой шапке сидел на своей ограде. Тирен заметил его издалека и приготовил последнюю ходовую монету. Прежде чем протянуть, спросил, много ли людей едет к выжженному двору.

— Которому?

Тирен объяснил. Сборщик поморщился.

— Там давно никто не живёт.

— В доме полый. Голоса повторяет. Возчика порвал, меня тоже.

Он чуть оттянул ворот, показывая край повязки. Сборщик наклонился, посмотрел без особого интереса и снова выпрямился.

— Так не лезь.

— Другие полезут.

Тот перевёл взгляд на кобылу.

— Ты за дорогу плати. Про дом у углежогов спрашивай.

Тирен хотел сказать, что он как раз оттуда, но понял, что сборщику это ничего не изменит. Положил монету на протянутую ладонь. Возле ограды стояли двое с пустой тележкой. Один слушал разговор, придерживая колесо ногой. Тирен повернулся к нему и повторил про дом — коротко, без рассказа о себе. Человек кивнул.

— Мы туда не идём. У солевозов спрошу, они той дорогой.

Тирен поблагодарил. На большее слов у него не осталось.

За рекой путь стал знакомым. Теперь он замечал, где колея поднимается на сухую землю, где удобнее обойти глину, у какого поваленного ствола можно дать Руне передохнуть. В первый раз всё это сливалось в длинную полосу дороги. На обратном пути оказалось, что у неё есть отдельные места, и некоторые уже принадлежали его памяти.

В деревню он вошёл к вечеру седьмого дня. Сначала услышал бойню: скрип ворота, удар ведра, голос Дерна, требовавшего держать крепче. Потом потянуло кровью. Тирен остановился возле первого огорода. С утра у него ныло под рёбрами, но он считал это голодом; теперь знакомый запах прошёл сквозь усталость так сильно, что ноги сами повернули к навесу.

Руна замедлила шаг. Тирен почувствовал натяжение повода и отвёл её к бондарному двору. Сначала Харс. Пока ящик у него, лошадь всё ещё принадлежит Бренку.

Жёлтая доска висела рядом с низкой дверью. Крюк на ней заржавел, под доской темнел след от давно снятого ведра. Тирен постучал. Внутри что-то упало; потом послышались быстрые шаги.

Харс открыл и сразу посмотрел на ящик.

— Где он?

Тирен не понял, о ком спрашивают. Уже начал развязывать ремень, когда Харс схватил его за рукав.

— Брат где?

— У углежогов. Живой. Нога порвана, ходить не может. Корд и Лисса его держат.

Харс отпустил рукав. Рука осталась висеть возле Тиренова плеча, словно человек забыл её убрать. На щеке у него была узкая полоска муки.

— Сам видел?

— Разговаривал. Он сказал, чтобы вы одеяло взяли. Толстое. И ещё спросил, колёса не продали ли.

Харс втянул воздух через нос и отвернулся в тёмные сени. Постоял там, опираясь ладонью о косяк. Тирен снял ящик. Плечо заныло от веса, но он не стал ставить груз в грязь.

— Дай сюда, — сказал Харс наконец.

Он взял ящик обеими руками и внёс в дом. Тирен остался с Руной у порога. Через некоторое время Харс вернулся, всё ещё прижимая свёрток к груди, и принялся задавать вопросы. Тирен отвечал медленно. Пришлось трижды объяснить поворот за ручьём и сказать, что на нынешнюю переправу с целой телегой не пройти. Харс ругнулся. Снова посмотрел на ящик.

— Ладно. Возьму узкую. У мельницы разберём, если надо.

— Корд флягу просил вернуть.

Тирен снял её с ремня. Харс взял и флягу, не спросив, какое отношение она имеет к брату.

У Бренка ещё работали. Ворота стояли настежь, посреди двора лежала туша, из-под неё тянулась к стоку тёмная вода. Всё оказалось меньше, чем Тирен помнил, и теснее. За семь дней не успела измениться даже куча щепы возле колоды. На верхней дощечке белел тот самый скол, о который он однажды порвал ладонь.

Дерн увидел их первым. Вытер руки о передник и подошёл к воротам.

— Обоих привёл?

— Ивен у углежогов, — сказал Харс. — Жив.

Дерн кивнул. Посмотрел на повязку Тирена, на рваный ворот, на лошадь. Затем вынул из стойки край верёвки и протянул ему.

— Снаружи поставь. Там сено сухое есть.

Тирен привязал Руну за воротами. Бренк вышел из конторы, поправляя пояс. На Тирена нахлынуло прежнее ожидание окрика: сейчас велят поставить ведро, вымыть колоду, убрать лошадь с прохода. Тирен сунул здоровую руку в карман и нащупал единственную старую монету.

Харс поставил ящик на табурет.

— Зови счётчика.

Бренк приподнял край рогожи. Осмотрел замок, провёл пальцем по железу.

— Открывать надо. Вдруг пустой.

— При нём и откроем.

Пока ждали, Тирен смотрел на горшок у стены убойного закутка. Сверху его накрыли доской; из-под доски тянуло тёплым железным запахом. Бренк перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Поел в дороге?

Тирен не ответил.

Счётчик пришёл с пером за ухом. Узнав про Ивена, спросил, кто теперь повезёт груз в Вельт. Харс сказал, что найдёт человека, и попросил скорее. Ключа у него не было; замок вскрыли узким шилом и обломком ножа, которые принёс Дерн. Тирен смотрел, как легко чужие руки делают то, на что он не решился в лесу.

Под крышкой лежали свёрнутые листы, перевязанные шнурком. Между ними — небольшой холщовый мешочек. Харс высыпал из него на ладонь тёмную печать с короткой ручкой и облегчённо провёл пальцем по её краю. Счётчик развернул верхний лист, проверил ещё два и заглянул под нижнюю связку. Бумага шелестела сухо.

— Целые, — сказал он. — Сырых пятен нет.

Тирен не мог прочесть ни строчки. Смотрел на плотные ряды знаков и ждал хотя бы знакомой метки, но Харс уже завернул печать и закрыл ящик. Крышка встала на место с коротким деревянным стуком.

Бренк принёс договор. Счётчик разгладил его на колене, прочёл условие о ящике и начал считать деньги. Десять медных легли перед хозяином бойни. Тот убрал восемь, две оставил на столе и коснулся ногтем Тиреновой строки.

— За место кобыле ещё надо.

Харс перестал перебирать монеты.

— Какое место? Она с ним была.

— До того стояла. Корм съела.

Тирен почувствовал, как внутри поднимается жар. Он уже знал, что будет дальше: назовут ещё одну мелочь, потом другую, и к тому времени, когда он успеет возразить, долг опять станет настоящим. Слова никак не складывались. Он посмотрел на счётчика.

— Прочитай про старый долг.

Бренк махнул рукой.

— Это за куртку. Я о лошади.

— И про лошадь прочитай.

Счётчик поднял бумагу ближе к свету. Прочёл про восемь медных, про временное пользование, про окончательный переход после исполнения условия о ящике. Дерн стоял у двери, скрестив руки на переднике.

— Выполнено? — спросил Тирен.

— Выполнено, — ответил счётчик.

Бренк сдвинул оставшиеся деньги к своей чашке.

— Чего шум подняли. Считай дальше.

Две медных Харс отдал Тирену сразу. Ещё шесть отсчитал отдельно. Тирен смотрел на них, не протягивая руки.

— Вы же ещё не съездили.

— Про колёса он и мёртвый спросил бы, — сказал Харс. — Бери. Только поворот ещё раз покажешь.

Тирен взял деньги. Все восемь поместились в ладони. Вместе со старой стало девять. Он закрыл пальцы, прежде чем они начали дрожать.

Счётчик сделал пометку внизу договора и велел Бренку подтвердить расчёт. Хозяин долго искал печать, хотя она лежала у самой чашки. Потом прижал её к бумаге. Харс попросил короткую выписку о лошади. За неё пришлось заплатить половину медной; Тирен уже потянулся к кошелю, но Харс отодвинул его руку.

— Мне копия тоже нужна.

Полоску бумаги сложили вчетверо и отдали Тирену. Он завернул её в холст с угольной меткой, тот, который всё это время носил за пазухой. Холст пах его телом и дымом. Теперь внутри лежала вещь, которую он не умел читать, но которую мог показать другому человеку.

Харс ушёл занимать повозку. Тирен ещё раз объяснил ему путь, начертив развилку на пыли возле ворот. Когда поднялся, Руна потянула морду к его руке. Он погладил её и только тогда понял, что больше не должен спрашивать, можно ли отвязать.

За поленницей осталось его старое место. На вдавленной земле стояло ведро с золой, рядом свалили куски ремня. Тирен убрал ведро и достал из щели между брёвнами запасную

обмотку, костяную иглу и скрученный кожаный передник. Взять оказалось почти нечего. Он помнил, сколько лет берег эти вещи, а теперь они заняли угол мешка.

Дерн подошёл, когда Тирен стягивал свёрток.

— Фляга где?

— У дома осталась. Там полый.

Дерн посмотрел на него внимательнее.

— Куплю другую, — добавил Тирен.

— Деревянную бери. Кожа потом всем пахнет.

Он произнёс это без злости. Тирен всё равно почувствовал, как лицо стало горячим. Рассказать про дом целиком он не мог: от одного воспоминания во рту пересохло. Дерн подождал, затем кивнул в сторону закутка.

— В горшке свежее. Бери, пока не унесли.

Тирен посмотрел на контору. Бренк сидел спиной к двери.

— Уже не моё.

Дерн коротко фыркнул, будто хотел сказать что-то привычное, но передумал. Подошёл к конторе, негромко спросил хозяина. Изнутри ответили лениво:

— Пусть пьёт. Только горшок не утащит.

Тирен дождался, пока Дерн отойдёт к колоде, и вошёл в закуток. Кровь была ещё тёплой. Он пил, держа горшок обеими руками, и чувствовал, как привычный двор становится слишком громким: скребёт верёвка о стойку, под полом шевелится крыса, Дерн выдыхает при каждом движении ножа. Ему стало легче. От облегчения было горько.

Когда вышел, Бренк стоял на пороге.

— Утром работа будет, если не передумал дурью маяться.

Тирен вытер рот рукавом.

— Я в Вельт пойду.

Бренк осмотрел его сапоги.

— В этих?

Он не ответил. Не потому, что нашёл хорошие слова; хороших не было. Сапоги действительно едва держались. Тирен поднял мешок, закинул ремень на здоровое плечо и пошёл к Руне. За спиной снова заговорили о туше, которую требовалось закончить до темноты.

Ночь он провёл у Харса в пустом дровянике. Хозяин выехал затемно с нанятым парнем, повозкой и двумя одеялами. Перед отъездом долго считал развилки на пальцах. Тирен стоял рядом с фонарём и отвечал на одни и те же вопросы, пока ворота не закрылись за колёсами.

Наутро он купил Дерну простую деревянную флягу и оставил у ворот бойни. Сам взял старый бурдюк, горсть соли и овса на несколько дней. Торговец уверял, что швы не пропускают; Тирен налил воды, подождал и нащупал снизу влажное место. Пришлось выбирать другой. За всё отдал три монеты, оставив шесть. Старую, с половиной венца, снова не приняли.

Для крови он вернулся ещё раз. Дерн наполнил бурдюк у колоды, добавил щепоть соли и предупредил, что долго в тепле не держат. Тирен кивнул. Ночи уже были холодными; он решил, что сумеет сберечь запас хотя бы до следующего места, где режут скот. Воду налил в свою купленную флягу — простую, со сколотым краем пробки, дешевле той, что вернул Дерну. За неё пришлось отдать ещё одну медную.

Перед уходом Дерн ощупал починенный рукав.

— Кто шил?

— Лисса. Углежогова жена.

— Держаться будет.

Тирен хотел поблагодарить его за то, что стоял у двери, пока читали договор. За рубаху, за вчерашнюю кровь, за то, что не стал спрашивать о доме. Но Дерн уже повернулся к работе. Тогда Тирен сказал спасибо ему в спину. Тот поднял руку, не оборачиваясь.

За последними огородами дорога раздваивалась. К старому броду уходила левая колея. Тирен задержался возле межевого столба и повёл Руну направо, к тракту на Вельт. На этот раз она пошла за ним сразу.

Вещи тихо постукивали у неё на боку. Тирен остановился, переложил пряжку так, чтобы она не била по фляге, и снова взял повод. Утреннее солнце лежало на дороге перед ними, высушивая верхушки глиняных колей.

Глава 8

На третий день после ухода с бойни Тирен снова проверил бурдюк. До полудня он уже дважды развязывал горловину и оба раза убеждал себя, что запас ещё годится. Вода во фляге нагрелась, хотя он держал её в тени; кожаный бок бурдюка был ещё теплее. Тирен оттянул завязку, понюхал и поспешно затянул обратно. Кислый запах остался в носу. Ещё утром он надеялся, что дело в самой коже: бурдюк был старый, сколько его ни промывай, из шва тянуло сыростью. Теперь отговорка не годилась. Кровь испортилась.

Руна остановилась, когда остановился он, и принялась обрывать губами траву у канавы. На ней лежали одеяло и мешок с остатками овса, стянутые верёвкой. Тирен поправил узел, хотя тот и без того держался, и оглядел тракт. Двое людей с ручной тележкой скрывались за поворотом. С другой стороны никого не было.

Он спустился к канаве, вылил содержимое бурдюка в землю и засыпал носком. Тёмное пятно расплывалось под пылью.

Руна повернула голову, услышав плеск. С верхней губы у неё свешивалась длинная травинка. Тирен отвернулся к канаве и вытряхнул последние капли. За них он ещё недавно держался обеими руками, а теперь старался не испачкать сапоги.

На бойне всё было проще, и от этой мысли Тирену стало особенно неприятно. Там он ненавидел утро, зато знал, что получит к вечеру. В дорогу он взял слишком много: боялся остаться вовсе без запаса и решил, что холодные ночи помогут. Ночи были холодные. Дни — нет. Под мышкой, под плащом, на солнце кровь портилась независимо от того, как осторожно он нёс бурдюк. Дерн предупреждал про тепло, но Тирен запомнил лишь то, что хотел: в холоде сохранится. Теперь приходилось выливать и кровь, и придуманную себе отсрочку.

Он достал из-за пазухи кошель и пересчитал монеты на ладони. Оставалось пять медных, включая старую, которую не хотели брать. Тирен пересчитал их ещё раз и отложил на другую сторону ладони две — на корм. Остальные хотелось оставить до самого Вельта, хотя за оставшиеся дни тоже предстояло где-то есть и ночевать.

Орвен. Смотритель погребального дома за городской стеной. Тирен повторял имя утром и вечером. Он не мог записать его и боялся однажды проснуться с пустым местом вместо звуков. Метку он помнил без труда: три черты под длинной, одна с загибом. Иногда чертил её пальцем на шве мешка. От этого ничего не происходило. Ни голоса, ни лица, ни той маленькой руки, которую он видел прежде. Он просто сидел у дороги и водил пальцем по холсту.

До Вельта, по словам встречного возчика, было ещё далеко. Каждый следующий человек называл другое число дней, но никто не говорил: завтра.

Тирен убрал деньги и повёл Руну дальше.

За последние два дня дорога несколько раз менялась. Утоптанная земля переходила в каменную россыпь, затем исчезала под грязью возле деревенских ворот. На сухих подъёмах попадались глубокие колеи с затвердевшими краями; Руна ставила ноги между ними, и Тирен понемногу учился выбирать путь по её шагам. Люди шли навстречу с корзинами и пустыми мешками. Одни отвечали на приветствие, другие смотрели на его сапоги и спрашивали, не продаётся ли лошадь. В первый раз он рассердился. Потом стал говорить «нет» ещё прежде, чем человек успевал назвать цену.

На пологом склоне сидела женщина с перевёрнутым решетом. Рядом лежали рассыпанные орехи. Тирен привязал Руну к кусту и помог собрать те, что укатились в траву. Женщина следила за его руками, пока он не вытряхнул перед ней последнюю горсть. Тогда подвинула решето подальше и велела смотреть под ноги: всё давит. Он ушёл, счищая с подошвы раздавленную скорлупу. Долго потом чувствовал её жирный запах и досадовал на себя за то, что ждал хотя бы доброго слова.

К вечеру он начал различать запах кожи. Не ремней и обуви — тяжёлый, сырой, с известью и гнилью, знакомый по возам, которые забирали шкуры у Бренка. Раньше запах появился бы ещё до мельничного поворота. Теперь Тирен сначала заметил мутную воду в отводной канаве и только потом почувствовал, что течёт вместе с ней. Он остановился, потёр глаза и сердито дёрнул ворот. Слабость приходила не сразу. Сперва весь мир будто отходил на несколько шагов.

Кожевня стояла ниже дороги, на отлогом берегу. Длинные навесы опирались на потемневшие столбы; между двумя низкими домами тянулись канавки, по которым стекала мутная жижа. Частокол со стороны реки почти сгнил у земли. В просветах блестела вода, покрытая медленной радужной плёнкой. На жердях висели расправленные шкуры. Под одной из них сидел мальчик и ковырял палкой грязь.

— Работник нужен? — спросил Тирен.

Мальчик поднял голову.

— Вместо которого?

— Любого.

— Тогда к хозяину.

— А где хозяин?

Мальчик показал на ближний навес и снова занялся грязью.

Тирен привязал Руну снаружи, там, где оставалась трава. Кобыла упёрлась было, не желая подходить к запаху, но он отвёл её подальше от канавы и погладил по шее. Потом вошёл во двор.

У чана двое мужчин длинными шестами переворачивали шкуру. Третий стоял перед наклонной колодой и снимал остатки мездры изогнутым ножом. У дальней стены женщина натягивала кожу на раму. Она упиралась ногой в нижнюю перекладину, обеими руками тянула шнур; мокрая кожа понемногу расправлялась, а углы её оставались стянутыми, будто сопротивлялись. Брызги известковой воды усеяли его передник. Он не обернулся, когда Тирен поздоровался.

— К хозяину? — спросил один из мужчин у чана. — Значит, вон туда. Только сперва придумай, чем порадуешь.

Хозяин сидел на ступеньке заднего дома и сшивал лопнувшую рукавицу. Крупный, коротко стриженный, с покрасневшими веками. На коленях у него лежала доска, на доске — шило и толстая нить.

— Что умеешь?

— Таскать. Чистить. Копать. С лошадьми умею.

— Здесь лошади не нужны.

— Я сказал, что умею. Не сказал, что вам нужны.

Хозяин посмотрел на него поверх рукавицы.

Тирен прикусил язык. Начинать можно было лучше. После расчёта с Бренком ему всё ещё казалось, что он научился разговаривать с хозяевами. Здесь не было ни договора, ни Харса, ни Дерна у двери. Человек мог сейчас молча указать ему на ворота.

— Как зовут?

— Тирен.

— Я Грат. Можешь до темноты перетаскать кору под навес. Завтра дождь, а эти два чурбана полдня обещают взяться. Дам поесть. Ночь на сеновале. Монету, если закончишь сегодня.

— Лошадь тоже надо накормить.

— Лошадь твоя?

Он сказал это без особого удивления, и всё же Тирен выпрямился.

— Моя.

— Два пучка сена. Овёс за свой счёт. Сойдёт?

Тирен попросил показать кору.

Куча оказалась больше, чем представлялась от входа. Сухие пластинки дубовой коры ссыпали прямо у забора; нижний слой уже отсырел. Тирен нашёл корзину, проверил ручки и принялся носить. Он сначала набрал полную корзину, поднял и ощутил знакомое натяжение в правом плече. Рана уже почти закрылась, но глубже ещё отзывалась боль. Пришлось высыпать часть обратно. После третьей ходки стало ясно, что до темноты не успеет. После шестой он перестал об этом думать. На бойне он умел работать в том состоянии, когда не хватало сил: двигаться ровно, не выпрямляться зря, поднимать тяжесть ногами. Здесь это тоже помогало, хотя ломкие края коры лезли под ногти и больно царапали запястья.

На бойне запахи тоже въедались в одежду, однако там они менялись: тёплая туша, вода, зола, соскобленное дерево. Здесь всякий вдох приносил одну и ту же тяжёлую смесь. Постепенно нос перестал различать её, и Тирен заметил это с тревогой. Он поднял кусок коры, растёр под пальцами. Слабый терпкий дух добрался до него только тогда, когда он поднёс дерево почти к лицу.

Двор опустел. Над водой стелился пар. Под навесом зажгли маленький светильник, и Тирен носил корзины, уже плохо различая, не зацепит ли ногой лежащий у стены багор.

Грат пришёл, когда у забора осталось пять или шесть корзин.

— Хватит. В темноте переломаешь ноги.

— Ещё немного.

— Я вижу. Утром донесёшь.

— За монету договаривались.

Хозяин помолчал.

— За монету. Получишь.

Тирен высыпал последнюю корзину. Выпрямившись, он ощутил, как сильно дрожат колени, и взялся за стойку навеса, будто собирался её осмотреть.

— В чём дело? — спросил Грат.

— Ничего. Есть хочу.

— Так иди ешь.

В рабочем доме стояли два стола. За одним ещё сидели трое: мужчина с полоской седины в бороде, грузный веснушчатый парень и та самая женщина, которую Тирен днём видел у натянутых рам. Она подвинула ему миску, не поднимая глаз. Каша остыла, но в ней были куски репы и бараний жир. На столе остались круги от мисок; один край просел, и возле Тиренова локтя в неглубокой трещине стояла вода. Он подвинул свою миску ближе к середине. Работники ели, не глядя друг на друга, с той поспешностью, после которой человеку уже нечего делать, но он всё равно сидит за столом. Тирен ел медленно. Голод отступал чуть-чуть, как всегда от обычной еды, а под ложечкой оставалось неприятное пустое место.

— Новый? — спросил веснушчатый.

— До завтра.

— Разумный, значит.

Женщина пнула его под столом.

— Что? Он всё равно узнает.

— Узнает, когда узнает.

Седой отодвинул миску.

— Ты не нанимайся на неделю, парень. Хозяин теперь обещаниями платит.

— Я свою монету получил, — сказал Тирен.

Грат отдал её ещё во дворе. Она лежала в кармане, и через ткань Тирен ощущал острый сколотый край.

Веснушчатый рассмеялся, но смех был короткий и злой.

— А нам сказал: завтра. Видать, одна и осталась.

Тирен опустил ложку.

— Я кору переносил.

— Мы тоже не песни поём, — ответил седой.

Женщина встала, собрала пустые миски. Никто не требовал у него денег. От этого было только хуже: он не знал, кому и что отвечать. Монета в кармане давила на бедро, будто он сам вытащил её из чужого кошеля. Тирен унёс свою миску к бадье, вымыл, вытер о край рубахи. Ему хотелось положить монету на стол, чтобы перестали так смотреть. Он уже сунул руку в карман, но вспомнил утренние орехи и Руну за сеновалом. Кора была перенесена. Заработанное он оставил себе. Вместо этого он отправился к Руне.

Кобыла стояла в тесном закутке за сеновалом. Водяное ведро было почти пусто; он наполнил его, вытряхнул из сена колючий сухой стебель. Провёл ладонью по ноге, приподнял копыто. Руна послушно перенесла вес. Край копыта был цел, натёртость под ремнём подсохла. Ей было лучше. Это удалось, во всяком случае.

Он прислонился лбом к её шее. Шерсть пахла пылью и тёплым сеном. Руна вздохнула и потянулась за очередным клочком, едва не отдавив ему ногу.

Ночью Тирен проснулся от разговора внизу. Не от крика: Грат говорил вполголоса, а второй отвечал ещё тише. Тирен лежал у щели в настиле и мог различить лишь отдельные слова. «К сроку», «дети», «сам пойди». Потом хлопнула дверь. Обычный слух другого человека, подумал он. Наверное, так и слышат все остальные. Он не понимал, как можно жить, не зная, что делается в соседней комнате, и тут же рассердился на себя. Прежде он считал свой слух бедой, от которой нельзя укрыться. Теперь скучал по ней.

Утром дождь ещё не начался. Тирен перенёс оставшуюся кору, подмёл под навесом и пошёл к Грату узнать, где поблизости режут скот.

— У реки, за мостком, — сказал тот. — Сейчас, наверное, коз забивают. Тебе зачем?

— Работу спросить.

— Работы и у меня хватает.

Тирен не ответил. Хозяин складывал в ящик какие-то дощечки с зарубками. Пальцы у него были толстые, кожа вокруг ногтей разъедена. Он запер ящик, потянул за крышку, проверяя замок, и вдруг спросил:

— Ты с бойни пришёл?

Тирен почувствовал, как напряглись плечи.

— Почему?

— Передник скатан у тебя в мешке. Пятна узнаваемые. И верёвку на лошади завязал, как скотники вяжут.

— Работал там.

— Далеко?

Он назвал место. Грат кивнул.

— Вчера оттуда человек шёл. Рассказывал, пропавшего возчика нашли у углежогов. Брат за ним поехал. Молодой парень дорогу показал. Ты?

Тирен посмотрел на дверной проём. Во дворе кто-то ругался, вытаскивая застрявшее колесо тачки.

— Не только по следам.

— Но ты?

— Я.

Грат потёр лицо ладонями.

— Сядь.

Тирен остался стоять. Хозяин пожал плечами и подвинул ногой скамью, так что она оказалась совсем рядом.

Работника звали Нерет. Он служил здесь второй год, считал лучше остальных и потому возил готовую кожу перекупщику у тракта. Четыре дня назад отвёз товар, получил деньги и не вернулся. Покупатель приходил сам, показал расписку, подписанную Неретом. Грат вынул расписку из-за дощечек. Бумага была затёрта на сгибах; он держал её за два угла, как вещь, которую слишком часто показывали людям и ни разу не получили нужного ответа. Читать Тирену не предложил. Только ткнул ногтем в нижнюю строчку и сказал, что здесь Нерет расписался сам.

— Там плата за десять дней работы, — сказал он. — Люди её ждали. Я заплатил за кору, за соль, купил шкуры. Денег в доме осталось на корм да на всякую мелочь. Могу продать сухую кожу дешевле, только тогда через неделю опять нечем платить.

— Вы к стражникам ходили?

— Здесь двое у моста сидят. Пришли, выпили воды, спросили, не был ли Нерет мне должен. Сказали, если сам вернётся, велеть ему явиться. Я и сам это умею.

— Почему думаете, что я его найду?

— Не думаю. Спрашиваю, возьмёшься ли.

Грат впервые посмотрел на него без нетерпения.

Тирен сел. Со скамьи хорошо был виден двор и женщина, которая после вчерашнего ужина не сказала ему ни слова. Она несла шкуру вдвоём с веснушчатым. Оба шли, пригнувшись, под тяжёлым мокрым полотнищем.

— А если денег уже нет?

— Приведёшь его. Пусть работает, пока не вернёт.

Грат сказал это с усталым облегчением, словно хотя бы такая часть дела не требовала объяснений. Тирен посмотрел на запертый ящик. Бренк тоже помнил, сколько ему должны. Иногда лучше, чем то, за что.

— Это сколько?

Грат назвал сумму. В мелкой монете выходило восемьдесят медных. Тирен попытался представить их на столе: десять таких плат, как та, что досталась ему за ящик и найденного Ивена вместе. От следующей мысли стало неуютно. Если брать за день столько, сколько заплатили за кору, Нерету предстояло работать почти всю оставшуюся осень; а если вычитать еду и ночлег, он мог не закончить и к весне.

— За розыск сколько?

— Двенадцать мелких. Если приведёшь с деньгами.

Тирен покачал головой.

— Отдельно. За деньги отдельно, за человека отдельно.

— А как ты деньги без человека принесёшь?

— Пока не знаю. Может, он их закопал и утонул. Может, спрятался и не пойдёт. Я один. Вы хотите, чтоб я его связал и тащил всю дорогу?

— Я хочу получить своё.

— За деньгами я могу пойти. А человек один меня старше. Если не пойдёт, я его не приволоку.

Грат опёрся локтями о колени. Его глаза покраснели ещё сильнее; казалось, он не спал всю ночь.

— Восемь за деньги. Четыре за Нерета.

— Если только часть денег найду?

Хозяин шумно выдохнул, но ответил. За каждые десять возвращённых медных он даст одну Тирену. За живого Нерета, если тот придёт с ним во двор, — ещё четыре отдельно. За одно известие обещал еду и ночлег. Грат выложил на стол восемь обломков коры, взял четыре и отодвинул: вернёшь сорок — получишь четыре. Тирен повторил условие, затем попросил Грата сказать то же самое при ком-нибудь из работников.

Хозяин посмотрел на дверь.

— Не доверяешь?

Тирен подвинул крайний кусочек коры, чтобы тот не упал со стола.

— Хочу, чтобы слышали.

Грат позвал седого. Тот выслушал, стоя на пороге, и спросил лишь, когда заплатят остальным. Хозяин сжал обломки коры в кулаке. Тирен понял, что выбрал свидетеля, которому совсем не хотелось слышать о чужой награде. Но седой всё-таки кивнул: слышал, запомнит. Вернувшись к работе, он прикрыл дверь слишком сильно.

— И без обещания, что точно найду, — добавил он.

— Это я уже понял.

— Где он жил?

Грат отвёл его в низкий дом на другом конце двора. По пути Тирен считал узкие шаги между лужами и пытался понять, в какой момент успел наняться. Он пришёл просить еды, теперь опять кому-то обещал искать пропавшего человека. В первый раз помогла лошадь. Здесь он располагал лишь своим носом, который едва различал кору, и чужой уверенностью в том, что у него уже однажды получилось. В комнате пахло пеплом, сырой одеждой и мышами. На полу остался светлый прямоугольник от сундука, который недавно передвинули. У стены лежал стёртый до пятки башмак; носок был залатан кожей другого цвета. Соломенный тюфяк лежал на настиле; рядом стоял ящик, в котором остались сломанный гребень, моток ниток и ложка с обломанным концом. На гвозде висела рукавица. Только одна, правая. Тирен задержал на ней взгляд. Собираясь исчезнуть навсегда, человек, наверное, унёс бы хотя бы хорошие вещи. Но хороших здесь почти не было, и Тирен сам оставил на бойне передник, за которым потом вернулся. Он не стал делать вывод. Большой палец был зашит красной ниткой.

— Можно взять?

— Бери. Зачем?

— Найду хозяина — покажу. Чтоб не говорил, что обознался.

У самой рукавицы запах был гуще: дубовая кора, соль, кислый пот. И ещё слабый сладковатый дым. Тирен прижал её к губам, будто проверял шов зубами, и сразу опустил. Мало. Нос различал привычное, но не выделял нужного из десятков запахов кожевни.

— Он один жил?

— Последние месяцы один.

— А раньше?

Грат задумался.

— Дочь бывала. Маленькая. Не младенец, ходит уже. Жила где-то у родни. Он не любил говорить.

Во дворе Тирен остановил женщину с рамой.

— У Нерета дочь как звали?

— Лика. А тебе что?

— Хозяин попросил найти его.

Она посмотрела на него внимательно. Лицо у неё было широкое, обветренное, с глубокой морщиной возле рта.

— Если найдёшь, скажи: мои дети тоже едят.

— Скажу.

Женщина поставила раму на землю и выпрямилась, прижимая ладонь к пояснице. На её рукаве разошёлся шов; в щели виднелась красная от сырости кожа.

— Нерет не дурак, — сказала она. — Знает, чьи деньги нёс.

Тирен хотел спросить ещё что-нибудь о девочке, но женщина уже подхватила раму. Он придержал верхнюю перекладину, пока она поворачивалась к навесу. На этот раз она коротко кивнула.

До забойного двора за рекой Тирен дошёл без Руны. Там действительно резали коз. Старик у ворот отказал ему в работе, потом согласился дать кровь за чистку стока. Тирен попросил ещё горсть соли и чистую миску. Старик глянул на него с обычным в таких случаях выражением — между отвращением и любопытством, — но вопросов не задавал.

Тирен пил за дровяным сараем, держа миску обеими руками. После первого глотка ему стало стыдно за то, с каким облегчением он закрыл глаза. После второго он уже слышал, как старик за стеной ищет точило и бормочет, что сын опять всё переложил. Далеко, на мостках, стучали пустые вёдра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.